Роджер и Сюзан Сотелл

Размышления о долгом браке

2018

УДК 36
ББК 74.90
С67

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Сотелл Роджер и Сюзан
С67 Размышления о долгом браке / Роджер и Сюзан Сотелл. — [б. м.] : [б. и.], 2018. — 136 с. — [б. н.]

В качестве экуменической пары авторы рассказывают, как действует супружество двух людей, имеющих разные религиозные взгляды. Они задаются целью определить синергию, которую можно обнаружить в продолжительных отношениях любящих друг друга людей, когда совокупность энергий двоих превосходит то, на что каждый из них способен по отдельности.

УДК 36
ББК 74.90

12+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

© Роджер и Сюзан Сотелл, 2018
© Наталья Журавенкова, перевод, 2018

Авторы

Роджер и Сюзан Сотелл познакомились через Общину Айона и поженились в 1957 году, когда им было 30 и 25 лет соответственно. Роджер занимал должность исполнительного директора компании «Спир и Джексон», производителя стали и инструментов в Шеффилде, а Сюзан работала в Шеффилдской детской больнице специалистом по реабилитационным занятиям. Десять лет спустя, когда у них уже было четверо маленьких детей, Роджер уволился с работы, и вся семья совершила паломническую поездку в Иерусалим. Они остановились в кибуце в Галилее, а на обратном пути заехали во Францию в общину Тэзе, с которой были связаны с 1958 года.

Вернувшись в 1968 году в Британию, семья переехала в Нортгемтон, что позволило Роджеру организовать «Трилон», кооперативную компанию по производству лодок из стекловолокна. Когда все дети достигли школьного возраста, Сюзан вернулась к работе по реабилитационной терапии в детском отделении, а потом стала проводить ее с пожилыми людьми. В 1980 году Роджер, теперь в качестве совладельца бизнеса, стал одним из учредителей предприятия «Хлеб насущный» в Нортгемптоне. С 1984 года они жили в экуменическом христианском сообществе совместного проживания — Соседской общине, занимающей несколько соединенных общей террасой домов. Сюзан принимала участие в Нортгемптонском квакерском собрании, начиная с 1986 года, а Роджера можно назвать межцерковным христианином. Со времени своего выхода на пенсию, они занимаются выздоравливающими после психических заболеваний людьми, темой духовности старения, вопросами миротворчества и справедливости, а также уделяют внимание своим восьмерым внукам.

Пояснение

Когда я выбираю слово, оно значит то, что я хочу,
не больше и не меньше, — сказал Шалтай-Болтай.

Льюис Кэрролл «В Зазеркалье»

На протяжении всей этой книги мы используем слово «брак» и словосочетание «семейная пара» в общем смысле. Разумеется, «семейная пара» относится к вступившим в брак, который заключается в церкви, отделе регистраций и пр., но мы решили придать этому термину более широкое значение, включающее всех людей, разного или одного пола, которые преданы друг другу в **долговременных любовных отношениях «на всю жизнь»,** причем некоторые из этих людей могут и не состоять в официальном браке.

Благодарность

Мы благодарны комитету Свортморских лекций Религиозного общества Друзей за приглашение написать эту книгу. Удастся ли нам сообщить что-то ценное, судить вам, читатели. Достаточно сказать, что нам было полезно привести в порядок свои мысли и выводы, рождавшиеся на протяжении жизни, а также изложить их на бумаге, вместо того, чтобы просто прокручивать в голове. Невозможно написать о долговременном браке, еще не состарившись, а старея, мы замечаем ошибки и разочарования своих друзей и коллег, из-за чего становимся осторожнее, а также внимательнее изучаем препятствия на предстоящем пути. Кроме того, мыслительный процесс замедляется, и нам становится легче оставаться на проторенных

путях, нежели пробовать новые. Мы теряем способность видеть землю обетованную и замечаем лишь скрывающий ее горный хребет. Мы выбираем ту дорогу, по которой идут все, а не ту, по которой идут лишь немногие. Чтобы справиться с возрастными особенностями, работая над этой книгой, мы сосредоточились на перевернутых вверх дном отрезках своей жизни, которые пришлись на наш возраст от 40 до 70 лет. Большинство изменений в мире, особенно позитивные изменения, инициируются людьми моложе 70 лет, а потому мы пишем с надеждой, обращенной к молодой части Общества Друзей, сознавая, что ни один путь не является правильным для всех, но также помня о множестве скрытых среди Друзей талантов реализовывать в своей жизни свидетельства — как дома, так и на работе.

Назначенные комитетом Свортморских лекций наставники поощряли нас писать смело, и мы последовали их совету. Со временем что-то из написанного покажется спорным, а что-то может выглядеть самонадеянным, поскольку исходит от супругов, только один из которых квакер — особенно, если читателем окажется почтенный Друг консервативного направления. Без сомнения, мы принимаем на себя полную ответственность за написанное и выражаем благодарность нашим родственным душам Джоффри Карналлу и Джулии Гордон, а также множеству помогавших нам Друзей и друзей. Мы благодарим Пэм Ланн в Вудбруке за ее безграничную поддержку, Рэйчел Хоуэлл из Дома Св. Франциска в Оксфорде, которая терпеливо помогала нам заносить записи в компьютер, не теряясь в его глубинах, Джейн Робертс, предложившую свои рисунки, и Питера Даниелса и его коллег в Доме Друзей.

Написанный с мыслями о Друзьях, наш текст приправлен ссылками на удивительную книгу «Квакерская вера и практика», которая заслуживает более широкого распространения среди религиозных сообществ разного рода.

Из обсуждений во время работы над нашей книгой стало ясно, что ее прочитает множество не-квакеров, незнакомых со значениями, которые мы придаем словам «убеждение» или «воспрепятствовать» или же таким таинственным фразам, как «это имя не кажется мне подходящим». Поэтому мы старались избегать квакерского языка и аббревиатур или давать объяснение, когда их использование было неизбежным. Мы надеемся, что наше повествование не покажется Друзьям скучным, и они воспримут его как попытку поделиться квакерской духовностью.

Роджер и Сюзан Сотелл,
Нортгемптон, декабрь 2005 г.

1. Введение

Наряду со всей их внешней и видимой работой во имя справедливости и мира, когда-то квакеров узнавали на публике по особой одежде приглушенного цвета и их отличительному образу жизни, который проявлялся и дома, и на работе. В настоящее время, в 2006 году, по-прежнему значимо общественное свидетельство Друзей, но содержимое их гардеробов, кладовых и ванных комнат едва ли отличается от того, что привычно для светского большинства. И содержимое наших собственных полок такое же, но, тем не менее, оглядываясь на свои почти пятьдесят лет брака, мы с некоторым удивлением понимаем, что наш образ жизни был другим, нежели у большинства окружавших нас людей, и что полученный нами опыт может пригодиться и для XXI века. Более того, ситуация «смешанного брака» между квакером и не-квакером заставляет нас думать, что некоторые идеи Религиозного общества Друзей сегодня могут быть полезны организациям далеко за пределами Домов собраний. Например, разработанный Друзьями метод принятия решений особенно хорош для такого рода межконфессиональных общин совместного проживания, как та, в которой мы провели почти половину своей жизни в браке, а также для справедливого предпринимательства, как например — кооператив «Хлеб насущный», который, с момента своего основания в 1974 году, стал частью нашей общей жизни. В качестве еще одного примера, можно вспомнить, что большинство «сообществ и домовладений», включая то, которое мы опишем позже, заботятся скорее о простоте, чем о сложности, и склонны к бережливости, а не к расточительности и тратам, характерным для богатого сословия, к которому мы принадлежим.

Мы оба стали активными христианами в студенческие

годы, до того, как встретили друг друга: Сюзан — через Общину Айона[1], а Роджер — через евангелическую студенческую миссию. В течение всей нашей совместной жизни мы пытались понять на практике, что значит хранить веру через два тысячелетия после Иисуса. Ни один из нас не чувствовал потребности быть религиозным служителем, и мы не ощущали призвания к монашеству, которое и не создано для семейных пар, хотя мы получили большую пользу от монастырского общения в нескольких различных уголках мира. Тем не менее, в поисках водительства через чтение Библии, особенно о временах служения Иисуса и небольших групп его последователей в течение тех 60 лет, когда были написаны Евангелия, мы ощущали непреодолимую тягу к межкультурным группам.

Друзья поймут это, поскольку они обычно предполагают, что квакерские ценности и свидетельства приведут их к образу жизни, который значительно отличается от окружающей культуры. Джани О'Ши пишет:

> В перевернутом вверх дном мире Божьего Пути, которому учит Иисус, знакомые категории перемещаются с ног на голову: к людям с заразными болезнями прикасаются, и они вылечиваются; высоко ценится предпочитающая интеллектуальную беседу домашним делам женщина; безработные получают дневное жалованье, потрудившись в течение лишь нескольких часов; проститутка приводится в пример в качестве религиозного лидера; лучшие места на государственном застолье занимают бродяги, ... благодатью ранних Друзей стал их дар жить как дома в перевернутом вверх дном мире Божьего управления (1).

Так что, мы в большей степени беспокоимся, когда наша жизнь не обращается вверх тормашками, нежели когда нас влечет межкультурное взаимодействие.

---

[1] экуменическое христианское сообщество, основанное в 1938 году Джорджем МакЛеодом с целью восстановления древних монастырских зданий на острове Айона у западного побережья Шотландии

Мы столкнулись с проблемой, работая над этими записями. Нас просят писать о своем реальном жизненном опыте, и не с научной или теоретической позиции. Что мы можем сказать о своем непосредственном опыте долговременного брака? Ну что же, для начала отметим, что наш брак выжил в то время, когда раздельное проживание супругов и разводы становились все более обычными. Если бы не это, мы бы сейчас и не писали.

В 1957 году, когда мы поженились, в Соединенном Королевстве вступили в брак более 400000 пар, но к 2001 году это число сократилось на 28% и составило 286000. Соответственно, количество разводов за тот же самый период выросло на 86% — с 80000 до 157000. Один или двое из наших долгое время состоящих в браке друзей даже чувствуют потребность извиняться за то, что они все еще женаты или замужем, в то время как окружающие их люди могут быть расстроены или раздражены своей неспособностью сохранить семью, особенно если они вступали в брак с прекрасными квакерскими словами: «Друзья, я беру в жены этого моего друга N (имя), обещая, с Божьей помощью, быть ей любящим и верным мужем, до конца нашей жизни на земле»[1]. («Квакерская вера и практика» 16.36)

Друзьям нелегко принимать на себя такие обязательства, а свидетельство правдивости и порядочности делает это еще более значимым.

Сложность для нас состоит в том, чтобы писать, не превознося свой собственный брак. Мы определенно можем заявить, что осведомлены о семейных ловушках

---

[1] Процитированное предложение — одна из нескольких разрешенных вариаций квакерской брачной декларации из отрывка 16.36. Некоторые не-квакерские свадебные церемонии допускают широкое разнообразие обещаний, условные наклонения и пр., но «Вера и практика» 16.36 содержит достаточно грозное предупреждение о недопустимости каких-либо изменений в этом тексте.

и сами попадались в одну или две из них, но нам нравилось и до сих пор нравится состоять в браке. Ни у кого из нас не было опыта серьезного разрыва или развода, и мы не будем подробно писать об этих ситуациях, тем более что им уже посвящено много книг и статей. С другой стороны, о позитивных аспектах современного брака написано мало — и писать об этом не модно. Мы просим читателей быть терпеливыми, если им покажется, что мы преувеличиваем достоинства со своей стороны. Ведь мы не хотим вызвать чувство вины или доказать поражение тех, чей брак завершился, иногда по совершенно независящим от них причинам.

Некоторые тексты, написанные двумя, а не одним автором, кажутся внутренне несогласованными, и это может быть особенно заметно в данной книге, потому что у нас разные подходы к окружающему нас миру. Это показано, например, в «Типологии Майерс-Бриггс» (2), где ответы на определенные вопросы позволяют классифицировать человеческую личность в категориях экстраверт\интроверт (E\I), эмоции\интуиция (N\S), мышление\чувство (T\F), суждение\восприятие (J\P). Сюзан относится к типу INFP, а Роджер к ISTJ. У нас общая I (интроверсия), но мы отличаемся друг от друга тремя другими параметрами. Если наша совместно написанная книга хоть сколько-нибудь ценна, так это потому, что она показывает, как одни и те же обстоятельства, длительные семейные отношения, могут быть увидены по-разному двумя непосредственными их участниками. Некоторым читателям может быть ближе один взгляд, другим — другой. Тем не менее, работая над книгой, мы осознали синергию любящих взаимоотношений «на всю жизнь». Энергия двух людей в длительном браке превосходит сумму энергий тех же самых двух людей по отдельности.

Группа признанных ученых-библеистов, которые провели годы за поиском подлинных слов Иисуса, пришла к выводу о том, что его речь была более повседневной

и разговорной, чем это иногда представляется из чтения авторизованной версии или современных переводов Библии. Иисус говорил скорее как плотник, нежели как ученый. Сходившаяся послушать его толпа была больше похожа на собрание ранних квакеров под открытым небом, чем на лекционную аудиторию — и это были люди из разномастной группы, а не студенты с тетрадями или церковники с пюпитрами. Соответственно, работая над этой книгой, мы понимаем, что обращаемся к самым разным категориям читателей, включающим плотников, профессоров, пенсионеров и студентов.

Джон Говард Йодер пишет: «В других сообществах и культурах люди поражены беспокойством, чувством вины, страхом осуждения. В этом контексте благая весть излагается в терминах прощения, принятия Бога и принятия других [людей], … но для Иисуса в его время, как и для растущего числа нынешних людей, основные человеческие заботы представлялись в менее индивидуалистичном смысле. Приоритетным вопросом для Иисуса и для многих из нас являются не мораль или беспокойство, но неправедность, несправедливость. Требуется не утешение и принятие, а новый порядок, в котором [люди] смогут жить вместе в любви» (3).

Мы не ученые и не теологи, так что наша книга — не результат научного исследования. Мы пишем только из собственного прямого опыта долгого брака и необычного образа жизни, нескольких неуверенных шагов в направлении нового порядка, так что наш язык может быть похож на разговорную речь Иисуса. Следуя по его стопам, мы предлагаем эту книгу со всей возможной любовью и пониманием.

2. Наши духовные путешествия

Пишет Роджер…

Детство

Мои родители были «шеффилдскими», и я родился в Шеффилде, так же как и мой старший брат, и моя младшая сестра. Хотя это был крупный город с населением полмиллиона человек, тем не менее, Шеффилд в 1903 году оставался автономным и ограниченным. Производство стали доминировало, и мой отец проработал в этой отрасли всю свою жизнь, как и мой дедушка со стороны матери, хотя последний, кажется, потратил значительное количество своих денег и времени, развлекая «хористок» в местном театре. Он был позором для моей матери и просаживал все деньги, которые у него появлялись. Мои родители не унаследовали денег от своих родителей и должны были жить очень экономно, поскольку у них было трое детей. Сюзан говорит, что моя семья жила в «языческой бедности», но я не помню, чтобы мы нуждались материально. Мы были счастливой семьей. Мой отец придерживался высоких принципов, но был лишен воображения, моя мать была нежной и любящей; он любил ее больше всего на свете, она вздыхала время от времени, но была послушна и «безобидна». Для нас троих она была несравненной. Мои родители были активными членами англиканской церкви, и нас воспитывали в этой традиции, так что мы отсидели бесчисленное множество служб — в основном утренних — в деревенской церкви. Слова «Книги общей молитвы» глу-

боко укоренены в моем подсознании.

Мать читала нам Библию с любовью к словам и убедительным тоном. Почти все прочитанное улетучилось из моей головы, но некоторые истории меня взволновали, и я гадал, падут ли стены нашего дома, если я, как Иисус Навин, буду достаточно долго маршировать по кругу, дудя в латунную трубу. Стены не пали, и я не уверовал. После того, как мать умерла, я забрал ее Библию и узнал, что она читала Новый Завет каждый день, начиная снова и снова каждые пять лет, и отмечала карандашом даты чтения на полях. Библия явно имела основополагающее влияние на ее жизнь, и хотя мне удалось обрести веру только лишь годы спустя, я весьма благодарен за это библейское основание, которое осталось со мной на всю жизнь. Я вновь и вновь вспоминаю волшебный язык Авторизованной версии Библии, полной памятных фраз и прекрасной поэзии.

Согласно традиции среднего класса, меня послали учиться в школу далеко от дома в возрасте восьми лет — в Арнольд Хаус в Северном Уэльсе, где несколькими годами раньше непродолжительное время преподавал Ивлин Во. Епископ Честера Джеффри Фишер также послал туда своих сыновей, и благонравные англикане, мои родители, думали, что это достойное христианское учреждение. Однако они не знали, как не знал этого и епископ, ставший впоследствии архиепископом Кентерберийским, что владелец и директор школы, потомственный моряк, но не рожденный свыше христианин, был шарлатаном. Настало время, когда исчез его Роллс-Ройс со встроенным баром, а сам он отправился в тюрьму за финансовые махинации или сексуальные приставания к мальчикам, а может быть и за то, и за другое. Мы приходили в часовню каждый день, но слова все еще не доходили до меня, а крикет казался намного более важной религией, чем христианство. Единственным гимном, который я мог сыграть на скрытой от глаз фисгармонии в часовне, был гимн

«Слава да воздастся Иисусу» — наверное, самая простая мелодия в книге, так что школа довольствовалась ею неделю за неделей.

Я узнал, что подставить другую щеку означает отказ быть униженным. Это — активность, а не пассивность. Моего друга Мадфорда притеснял авторитарный учитель, и поскольку Мадфорд был храбрее меня, он задумал отомстить, заказав сотню сырных вафель от имени мистера Бэнкса и организовав их доставку во время изучения латыни.

«Вам посылка, сэр, — сказал Мадфорд, — внося огромную коробку, — и посыльный ждет немедленной оплаты».

«Это, должно быть, новые молитвенники на латыни, дайте ему деньги», — сказал мистер Бэнкс.

В должное время в конце урока он открыл коробку. «О, сэр, — закричал Мадфорд, — это сырные вафли. Как это мило с Вашей стороны, сэр».

Вбегает разъяренный учитель латыни, чей кошелек изрядно опустел.

Это и многое другое в нашей экстраординарной школе занимало меня больше, чем Евангелия, и я оставался пассивным прихожанином до тех пор, пока, к собственному удивлению, не пережил обращение в миссии Св. Марии Великой в Кембридже. Да, это было настоящее обращение, преобразование, в котором я пришел к убеждению в истории Христа и ее значении для моей жизни. Иисус — человеческое воплощение Бога, прощение и примирение — все это реально; изменение возможно, любовь — движущая сила, добро когда-нибудь, в конце концов, победит зло. Для меня это было откровением, которое навсегда осталось со мной. Впоследствии, когда я, закончив обучение, проходил инженерную практику в Рагби, я присоединился к евангелической церкви и весьма посредственно преподавал в воскресной школе, нашел друзей на всю жизнь, но среди них было мало обращенных. Тем не менее, я выработал определенную молитвенную дисциплину, много

позже превратившуюся в общие утренние молитвы, когда мы основали Соседскую общину.

Шеффилд

Родители были рады узнать о моем обращении, хотя подобные вопросы редко обсуждались дома, а вера считалась чем-то само собой разумеющимся. У родителей были трудные времена, так как отца уволили, и он оставался безработным в течение года, пока в 1938 году не устроился на должность менеджера Отдела освещения в «Самюэле Фоксе» — гиганте стальной индустрии около Шеффилда. Работая там, он поддержал начало развития Шеффилдской индустриальной миссии (ШИМ), которая стала одним из первых начинаний такого рода в стальной индустрии и была вдохновлена епископом Шеффилда Лесли Хантером. Мой отец добился прямого участия в работе для Тэда Уикэма, лидера ШИМ, и этот замечательный проект часто обсуждался у нас дома, когда я возвратился в Шеффилд в 1950 году, чтобы работать в «Спир и Джексон» — компании среднего размера, производящей специальные стальные столярные инструменты. Мой отец вышел на пенсию, и Тэд быстро вовлек меня в паутину групп обсуждения, богослужений и изучения Библии, что и составляло Индустриальную миссию. Мое евангелическое рвение было достаточно неопределенным, а впоследствии оно еще уменьшилось из-за того, что ШИМ была озабочена социальным благовестием, а не привлечением рабочих в церковь; я был рад такому повороту и стремился к установлению справедливости в организации индустриальной деятельности. Сюзан же утверждает, что я оставался «замкнутым евангелистом».

Мне нравилась моя работа в «Спир и Джексоне», и я провел там шестнадцать лет. Скоро мне стало интереснее

работать с людьми, чем заниматься инженерными технологиями, и я карабкался по управленческой лестнице так быстро, как это только было возможно. Рабочее время занимало много часов, а отпуск был коротким, но я не жаловался, поскольку был амбициозен, и к тому же стал первым работником с высшим образованием с момента основания компании в 1760 году. Мы выпускали высококачественную продукцию, и мне было приятно видеть, как она упаковывается для рассылки по всему миру.

В 1950-х немецкая индустрия все еще восстанавливалась от разрушений периода Второй мировой войны, в развивающихся странах обработка стали не была высокотехнологичной, так что нашим единственными торговыми соперниками были Швеция и США. Продажи шли легко, повышение производительности стало проблемой и особой задачей для меня в качестве кандидата на должность менеджера отдела пилящих инструментов. Я посетил нашего конкурента, компанию «Дисстон» в Филадельфии к югу от Нью-Йорка, и, будучи наивным и нахальным, попросил их показать мне, как они работают, поскольку надеялся увидеть, есть ли у них станки, которые мы могли бы скопировать. Их директор по производству встретил меня на станции и накормил превосходным обедом, на своем «Кадиллаке» объехал со мной по периметру их огромный комбинат и отвез меня обратно на станцию со словами: «Вот, мистер Сотелл, я показал Вам наше предприятие. До свидания». И я так никогда и не побывал на его территории.

Я многому научился у рабочих в Шеффилде, большинство которых были обладали высокой квалификацией в ручном труде и преданы компании, хотя их игнорировали при принятии решений. Часть директоров были выходцами из семьи Джексонов, уже выдохшимися, но настроенными на сохранение процветания компании, отчасти из-за традиции быть «хорошим работодателем» в достаточно патерналистском стиле, а отчасти — из-за наличия

толпы отсутствовавших на собраниях членов семьи и держателей акций, в основном вдов, которые никогда не приближались к производству и жили на дивиденды.

Когда меня повысили до должности директора по производству, я стал время от времени приходить в ночную смену. Мой предшественник никогда этого не делал. Однажды ночью я обнаружил оператора токарного станка спящим на рабочем месте. Я разбудил его, и он сказал, что уже выполнил свою «норму». Напомнив, что у нас нет «норм», и мы стремимся к максимальному производству, я отослал его домой без оплаты. Ровно через год, когда я проходил мимо его станка во время перерыва, он подозвал меня и предложил чашечку чая из своей канистры, сказав, что у нас своего рода годовщина, и ее нужно отпраздновать. Никаких обид. Я начал сознавать, что мы, менеджеры, одновременно игнорируем и эксплуатируем наших мастеров-рабочих, готовых сотрудничать с руководством и делиться своими знаниями производственного процесса, на котором вот уже два столетия основывался успех компании. Я вознамерился сделать что-то по этому поводу, не имея ни малейшего понятия, что именно. Вознаграждение в виде настенных часов и скудной пенсии после сорока лет службы казалось не просто недостаточным, но постыдным. Позже я стал директором и познакомился со схемой долевого совладения работниками, но, обратившись к сути вопроса, не был удовлетворен. Капелланы Индустриальной миссии должны быть в хороших отношениях как с руководством, так и с профсоюзами, поэтому им приходится избегать обсуждения структурных изменений, но чем больше я изучал теологов социального евангелия, тем более убеждался в необходимости иного рода собственности и методов принятия решений.

Во время пребывания в Шеффилде вплоть до 1957 года я вел холостяцкую жизнь, играл в сквош и крикет, ходил на благопристойные вечеринки, скромно участвовал в социальной жизни города, но никогда не был этим полностью

доволен. Я пользовался подержанными автомобилями, и у меня не было хоть сколько-нибудь постоянной подружки, только лишь партнерши по случайным танцам. Плавание под парусом стало долгожданным праздником, на пути в Шотландию мы пришвартовались на Айоне, погуляли по острову и познакомились с Грегором МакЛеодом, харизматичным лидером Общины Айона. «Ха! — сказал он, — вы, англикане, одержимы апостольской преемственностью». Это нас озадачило, поскольку, хотя мы многое знали о мореплавании, но были абсолютно несведущи в том, что касалось отношения шотландской церкви к епископам и всему подобному. Тем не менее, мы получили представление о его видении, и мой брат, архитектор и устроитель браков, вернулся на Айону позже тем же летом и устроился волонтером-гидом по Аббатству Айона. Он позвонил мне с острова и сказал, что встретил трех женщин, которые жили в Шеффилде, и одна из них показалась ему подходящей женой для меня. Две женщины занимались восстановительной терапией. Я познакомился с одной из них, которая оказалась приятной, но глуповатой, а затем с другой — обладательницей темных волос и прекрасной широкой улыбки. Мне еще не было тридцати лет, и я не помню, чтобы меня особенно интересовал поиск жены, которая помешала бы игре в сквош, но мне не хотелось упустить такой хороший шанс. Мы ходили в кино и, кажется, держались за руки.

Когда Сюзан и ее подруги вернулись с Айоны, они также начали участвовать в деятельности Шеффилдской индустриальной миссии. Тед Уикэм был нашим другом, и впоследствии он нас поженил. На нас обоих оказало сильное влияние эта замечательная миссия, где мы познакомились с трудами таких теологов, как Тиллих, Бонхёффер и Уильям Темпл. Эти годы заложили основу нашего самостоятельного изучения христианского социализма, и хотя миссия поблекла под руководством нового епископа, ее учение остается с нами обоими по сей день и ведет нас тропой, которая поразила бы наших родителей. Я был

воспитан в доме избирателей-консерваторов, но шокировал своего отца, вступив в либеральную партию, а затем долгие годы поддерживая лейбористскую партию. Я хотел увидеть перемены на производстве, а либералы их тогда продвигали. Дедушка Сюзан был адвокатом в Дерби и лейбористским советником. Он принимал обращения по поводу производственных травм в Национальном союзе железнодорожников, стал почетным жителем Дерби и обладателем поразительной шкатулки-короны Дерби со свитком внутри. Его собирались сделать рыцарем, но он отказался, поскольку не одобрял систему отличий. Я считаю, что две его внучки унаследовали черты его характера.

Отец Сюзан продолжил политическое направление деятельности, став успешным стряпчим, а позже — судьей. Он был депутатом парламента от лейбористской партии с 1931 по 1935 год и до сих пор хранит записи самого маленького большинства в истории Парламента — только лишь двумя голосами после нескольких пересчетов. Он работал с Дж. Н. Томасом, выдающимся профсоюзным деятелем и членом совета министров при Рамси Макдональде, а затем, когда в 1932 году родилась Сюзан, Джимми Томас стал ее крестным отцом. Итак, в нашу растущую дружбу она принесла с собой сильное стремление к социальной справедливости, которое перекликалось с состоянием моего ума. А можно ли хотеть чего-то большего от подружки?

Мы с моим другом Дереком владели долями четырехпалубной яхты, пришвартованной в Корнуолле, и несказанно обрадовали Сюзан и подругу Дерека, Мэри, пригласив их отправиться в плавание к Островам Силли вместе с нами. Мы, конечно, не жили с ними в общих каютах, ведь это был 1955 год, так что Дерек и я занимали главную рубку, а девушки обосновались в намного более тесной каюте на баке. На пути обратно в Фалмоут мы попали в серьезный шторм у Лендс-Энд, в котором несколько яхт утонуло, и их команды погибли. Мы, все четверо, стали жертвами мор-

ской болезни и лежали на полу рубки, а лодка качалась на волнах. Как унизительно! В середине этой штормовой ночи, на большом расстоянии от берега я выбрался на ходящую ходуном палубу, чтобы опустошить свой ходящий ходуном желудок, и увидел гигантскую черную тень по нашему правому борту, возвышающуюся над нашей маленькой яхтой. Это было движущееся вверх по проливу грузовое судно, чей винт наполовину поднимался из воды, когда оно переваливало через очередную гигантскую волну. Но, слава Богу… Мы могли бы пойти ко дну и утонуть без следа, поскольку чувствовали себя слишком плохо для того, чтобы смотреть внимательно, а маленькие лодки не всегда заметны на экране радара коммерческого корабля в плохую погоду. Мы добрались до Фалмаута мокрые и упавшие духом.

Сюзан выдержала эту проверку. Оказавшись в Йоркшире на относительно твердой земле, мы гуляли по болотам и беседовали о жизни и социальной справедливости. Я не был героем-любовником, но шеффилдские матроны считали меня «хорошей партией» из-за моей директорской должности в широко известной фирме стальной индустрии, а также позиции почетного гражданина в «ливрейной компании» Катлеров, которая доминировала в городе. Я сделал Сюзан предложение где-то около Дервентского водохранилища. Она, наверное, говорила про себя: «Разве я могу даже подумать о том, чтобы выйти за этого слегка высокомерного, критически настроенного мужчину с его безумными идеями об индустриальной демократии, которые могут привести к финансовому краху?» Но в том случае (аллилуйя?) она сказала «да», и мы решили, что впредь будем жить счастливо, раз и навсегда. Любовь пробьет себе дорогу. Воспоминания Сюзан о моих ухаживаниях и нашей помолвке могут быть несколько иными.

Пишет Сюзан…

Но, к счастью, только лишь потому, что, как оказалось, вы и ваш партнер побывали на том же самом мероприятии или пожили общей жизнью, взгляд на эту жизнь с одной лишь стороны не становится единственно ценным. Каждый из взглядов может дополнять другой, если только мы научимся слышать, что говорит другой. Позиции «стакан наполовину пуст, стакан наполовину полон» могут создать полный стакан, переполняющийся, дающий жизнь. Роджер все время готов рассказывать, а мне трудно собраться с силами и произнести хоть что-нибудь. Его нужно сдерживать, а меня подбадривать, но если бы все зависело от меня, мы немногого бы достигли, хотя при этом мы все бы хорошо себя чувствовали. Если же предоставить все ему, мир стал бы лучше, но мы оказались бы в полном изнеможении.

Совсем еще маленькую, мама оставляла меня на лужайке, опутав шлангом, и я оказывалась внутри ограды из шланга. Он был непреодолимым препятствием! Жизнь также представлялась непреодолимой, и я ползала, надеясь на устранение препятствия, и время от времени пытаясь выбраться. Однажды я убежала из своей спальни через крышу, но не знала, что делать с этой очевидной свободой, и залезла обратно. Моя сестра — искательница приключений, я же была тихоней, но мне нравилось интеллектуальное напряжение социальных забот моего отца и его участие в политике. После разговоров за едой на злободневные темы мне оказалось трудно привыкнуть к социальной жизни в Оксфорде, где я училась в колледже, чтобы стать специалистом по гигиене труда. Я была рада находить убежище в компании других людей, которых заботило социальное благовестие — в пресвитерианской церкви, связанной через своего служителя с общиной Айона. Я и не знала, что это было моим первым шагом к встрече с Роджером!

Роджер пишет…

Сюзан присоединилась к пресвитерианской церкви, когда приехала работать в Шеффилд в 1954 году. Мои же связи с Айоной и Шеффилдской индустриальной миссией заставили меня принять лишь частичное членство в местном церковном приходе Шеффилда. Когда в 1957 году мы поженились, то сочли важным ходить в одну и ту же церковь, а не в разные, поэтому мы стали членами местной общины в Брумхилле в Шеффилде, где прожили до 1968 года. Викарием был Майкл Ади, который одобрял мое активное участие в Индустриальной миссии и не ожидал от меня частых посещений церковных служб. Сюзан с детьми ходили чаще. Эта не совсем четкая связь с официальной церковью нашла отражение в том, что крещение наших детей происходило каждый раз в разных местах: Руфь крестилась в дочерней церкви, Мэри — в евхаристии Индустриальной миссии в Шеффилдском соборе, Ребекка — в церковном зале, а Питер — в нашей местной церковной общине.

В 1960-х годах мы несколько раз побывали в монастырском сообществе Тэзе, расположенном в центральной Франции и посвятившем себя единству христиан и работе с «беднейшими из бедных». Двое из братьев приехали в Шеффилд и стали нашими друзьями; брат Жан, профессиональный детский психолог, работал портье в больнице, а брат Роланд — сталелитейщиком в компании «Спир и Джексон», что требовало чисто физических, но не интеллектуальных усилий. Мы поразились их смирению и глубине богослужения Тэзе с периодами молчания, которые перемежаются пением повторяющихся стансов, как это стало впоследствии известно по всему миру. Влияние Тэзе заставило нас обоих принять изменившее нашу жизнь решение покинуть в 1968 году Шеффилд и переехать в Нортгемптон, чтобы я мог воспользоваться возможностью начать кооперативный бизнес, владельцами которого были сотрудники — «Трилон», производство лодок из стекловолокна.

Нортгемптон

Пишет Сюзан…

Среди наших друзей мы были первыми, кто уехал из Шеффилда. У нас был только один контакт в Нортгемптоне — бывший капеллан Индустриальной миссии и его семья. Мы вряд ли могли выбрать место большего контраста, во всяком случае, так представлялось нашим домашним, которые с трудом привыкали к новым школам, службам и новой местности. Тем не менее, после обрывистых склонов Шеффилда примыкающий к дому сад так обрадовал нашего самого младшего ребенка, что он провел все первое лето вне дома. Хоть что-то положительное на фоне многого чуждого. Когда я спросила нашу соседку, где находится ближайшая библиотека, она сказала: «Но Вы туда не доберетесь, это на холме». После жизни в городе «на холме» на Пеннинских горах не производило впечатления!

Казалось, никто больше не переезжал в то время ни в Нортгемптон, ни из него. Наши ближайшие друзья всегда жили в пределах мили от места своего рождения, за исключением трех лет, проведенных в деревне в пяти милях оттуда. Они быстро вернулись.

Роджер был всецело поглощен организацией нового бизнеса и развитием кооперативных методик принятия решений, и я думаю, что ему было сложно прислушиваться к нашим жалобам на трудности поиска расписания автобусов и места парковки автомобиля во время поездок в город. Многие люди переезжают в период изменений своей личной жизни, когда заводят семью, идут в начальную или среднюю школу, и это помимо прямых причин смены места жительства. Рядом не было никого из тех, кто меня раньше поддерживал, во всяком случае, так казалось мне, у которой было четверо маленьких детей, и у меня не хватало сил искать новых помощников, если только

они сами не сваливались мне на голову. Я знала, что для нас было жизненно важно, чтобы Роджер начал новый бизнес, и чтобы мы сделали для этого все возможное, и что когда-нибудь он сделает то же самое для меня. Мне не нравились эти первые годы в Нортгемптоне, и глядя на свои фотографии того времени, я замечаю, как плохо тогда выглядела. Тем не менее, брак выживает, только если мы бываем готовы любой ценой поддерживать своих партнеров, когда они предпринимают решительные действия. Даже в сегодняшнем климате равных возможностей партнерам по браку не всегда удается производить серьезные изменения одновременно. Именно это Джоана Читтистер называет «духовностью долгой тяги» (4), основание которой должно быть положено раньше, и которая затем поддерживает наше движение в мрачные времена, пока другие радуются жизни.

Пишет Роджер…

Вскоре после переезда в Нортгемптон мы присоединились к домашней группе, связанной с местным приходом англиканской церкви. В группу входили четыре семейные пары и один холостяк. Хотя обычно подобные группы бывают временными — встречаются в период поста, а потом распадаются — члены этой конкретной группы решили оставаться вместе и продолжали собираться на протяжении 15 лет. По сути, это была англиканская группа, поскольку двое из ее членов были англиканскими священниками, а еще двое были церковными чтецами. Из-за того, что группа встречалась продолжительное время, и мы хорошо узнали друг друга и доверяли друг другу, для нас оказалось возможным на глубоком уровне обсуждать такие предметы, как духовность, брак, вера или ее отсутствие, и это общение оказывало сильное влияние на жизнь каждого из нас. Мы называли свою группу «ячейкой», а затем — «группой домашнего причастия», потому что основой наших проходивших раз в две недели

встреч была евхаристия — по очереди в доме каждого.[1]

Члены группы жили в разных частях обширной территории прихода, а некоторые — на расстоянии более километра от других, так что неформальное общение «через забор» не было возможно, мы не могли ежедневно молиться вместе, а встречи следовало назначать заранее. Некоторые из нас начали чувствовать, что мы можем стать более эффективной частью Церкви, если будем жить по соседству друг с другом, и в июне 1974 года я написал доклад, озаглавленный «Общинное проживание в Уэстон Фавелл — Тетя Сэлли» (см. Приложение А), для описания «некоторой формы сообщества» согласно библейским основам, а также экономическим и экологическим соображениям. В то время проходили широкомасштабные протесты лейбористов, свирепствовала инфляция.[2] Некоторые предсказывали блокадную экономику и политический кризис, в их числе был влиятельный историк и гражданский деятель Арнольд Тойнби с его статьей в «Обозревателе» от 14 апреля 1974 года.

Мы обсуждали возможность «конца света» и того, что Христос может вернуться с большей вероятностью раньше, нежели позже, что было подобно рассуждениям ранней церкви в Иерусалиме (Евангелие от Марка 13:30). Возможно, жизнь в сообществе стала бы христианским ответом на потенциальный катаклизм? Мы рассуждали, но у нас было недостаточно энергии, чтобы двигаться в направлении создания сообщества совместного проживания, и, на самом деле, жизнь в Британии не вышла из-под контроля, люди учились справляться с серьезной ин-

---

[1] Мы составили текст литургии для маленьких групп «Простое причастие — организация в домашних собраниях», впоследствии опубликованный кооперативной организацией «Хлеб насущный».

[2] Уровень смертности достиг 15% сначала в ноябре 1979 года, а затем в октябре 1981).

фляцией, и предсказание Тойнби не сбылось. Как и второе Пришествие! Но в действительности произошло так, что страна стала более материалистической, возможно в качестве реакции на «власть цветов» свингующих шестидесятых. Официальная церковь ввела несколько радикальных изменений и продолжала терять членов. Сюзан и я продолжали жить как «нормальная» семья, и параллельно мы были глубоко погружены в требующее временных затрат и часто травмирующее занятие по воспитанию детей-подростков. У нас оставалось мало энергии. Наш брак прошел эту проверку, со временем дети стали взрослыми и уехали — в колледж, на работу и просто в поисках независимой жизни. Итак, планы жизни в общине, остававшиеся подспудными в подростковый период наших детей, были возрождены одним из членов «ячейки», у которого был контакт с общиной Айона. Айона поддерживала общины совместного проживания в Шотландии, которые назывались Домами Колумбан и были похожи на то, что нам приблизительно представлялось. К тому времени наша домашняя группа начала распадаться. Два церковных служителя переехали в новые приходы, и мы — четверо, составлявшие две семейные пары — чувствовали себя готовыми посвятить себя общинной жизни, как долгосрочному проекту, когда будут найдены подходящие для этого дома. Майкл и Анна предложили минимальное обязательство участвовать в течение 10 лет, Сюзан и я написали: «Мы представляем себе проект, продолжительностью 22 года, разворачивающийся постепенно и основанный на общем богослужении, совместном пользовании имуществом и проводимом вместе временем... Наше вдохновение происходит из Евангелий и Книги Деяний 4, а также из опыта группы домашнего причастия и таких общин, как Литтл Гиддинг. Мы верим, что именно взаимопомощь и служение друг другу помогут нам практиковать «закон любви» Иисуса.

Мы посмотрели несколько домов, выставленных

на продажу, и в апреле 1984 года нашли дом, 144 Ардингтон-Роуд, показавшийся нам подходящим. Но нам было нужно три дома рядом, поэтому Майкл постучал в дверь дома 146, и открывший ее молодой человек сказал: «Как странно, что вы об этом спрашиваете. Моя мать недавно умерла, и я продаю этот дом. Объявление будет в вечерней газете. Заходите и посмотрите внутри». Тем временем, Роджер позвонил в дом номер 142, и открывшая дверь молодая женщина сказала: «Странно, что вы об этом спрашиваете. Мы с сестрой стареем и решили жить вместе у нее, поэтому я продаю этот дом, хотя еще не обращалась к маклеру. Зайдите и посмотрите». Итак, за несколько недель мы совершили покупку всех трех домов: 142, 144, 146. Если нам был нужен «знак», то это он и был (Деян 2:43).

Майкл и Анна, действовавшие быстро, если им казалась, что идея была «правильного порядка», продали свой отдельный дом в округе Уэстон Фавелл [на востоке Нортгемптона, — *прим. пер.*] и переехали на Ардингтон-Роуд, оказавшись в окружении строителей, переделывающих три дома согласно плану нашего коллеги-архитектора, который предполагал общую комнату для собраний и отдельную квартиру. 30 июня 1984 года, через десять лет после написания первого доклада для обсуждения, мы переехали в обновленный дом 146, так появилась Соседская община. Мы снесли заборы, чтобы создать один большой общий сад, и некоторые из наших других соседей (не членов общины) спрашивали: «Зачем вам нужно выделяться? Почему бы не жить, как все остальные здесь?»

Соседская община не была коммуной, потому что у каждого из нас был свой собственный дом или квартира, и это не был монастырь, поскольку мы не принимали обетов, не были обязательными целибат, бедность и послушание. Это было сообщество домовладельцев — компромисс между независимым проживанием с одной стороны

и полностью общей жизнью с другой стороны. Это привлекает людей, которые чувствуют призвание к общинному стилю жизни, но не готовы вступить в коммуну или принять монашеские обеты. Концепция домовладения также делает возможным формирование сообщества, которое включало бы одиноких людей, семейные пары — такие, как наша — и детей.

В современных обстоятельствах, как экономических, так и религиозных, не похоже, что монастыри соберут больше, чем горстку преданных одиноких мужчин или женщин, но концепция общины домовладельцев может заставить намного большее число людей с общей верой и заботами уйти от индивидуализма и культуры все возрастающего материализма, навязываемого нам средствами массовой информации. Производители газонокосилок вряд ли поддержат проект, объединяющий пять садов, которым теперь будет нужна только одна косилка.

Мы стремились к образу жизни, который отличался бы от приходской модели церкви по воскресеньям и обособленной жизни с понедельника до субботы, но также и не был бы похож на пребывание в монастыре.

Общее богослужение

Мы знаем один или два прихода англиканской церкви, где некоторые прихожане присоединяются к викарию для ежедневной утренней молитвы, и нам известны одно или два квакерских собрания, которые проводятся в середине недели, но немногие члены этих общин оказываются в состоянии следовать ежедневной дисциплине в церкви, приезжая в дождь или снег, и уделяя этому приоритетное внимание по сравнению с обычными домашними делами. Создавая Соседскую общину в 1984 году, мы предполагали, что ее члены будут следовать своей

ежедневной молитвенной практике, а также ходить на службу в церковь по воскресеньям — обычный порядок для большинства христиан-мирян, рассеянных по округе или в городе, занятых на работе, привязанных к расписанию поездов и школьным расписаниям своих детей. Однако мы скоро осознали, что наше решение жить рядом друг с другом на обычной проселочной дороге дает нам возможность разработать иной порядок. Оглядываясь назад, остается удивляться, что мы настолько медленно осознали такую возможность. Это был поистине дар, харизма. Приняв идею слить три дома в один, с тремя взаимосвязанными домохозяйствами, мы превратились, почти не осознавая этого, в подобие ранней церкви в Иерусалиме, где верующие молились вместе «каждый день», а не раз в неделю, и «преломляли хлеб дома». Видимо, ранние христиане придерживались иного и более общинного образа жизни, нежели тот храмовый порядок, который они также продолжали соблюдать.

Итак, в 1986 году Община начала практиковать совместные утренние молитвы, и на протяжении двадцати лет мы считали их главным занятием своей семьи. Конечно, это отличалось от практики монашеских общин, с которыми мы соприкасались — братства Тэзе или бенедиктинцев в аббатстве Турви, где совместное богослужение проходит не один раз в день, а несколько раз ежедневно. Но если бы кто-то из нас чувствовал склонность к монашеской жизни, то мы не стремились бы к светской карьере, созданию семьи и рождению детей.

Сначала мы использовали литургию из молитвенника Общины Литтл Гиддинг (5), а позже, за многие годы мы сами для себя написали множество утренних литургий, однако обнаружили, что ни один образец не кажется вполне уместным, и теперь каждый член сообщества, который проводит молитву, волен самостоятельно выбирать ее форму. Иногда мы читаем псалом или отрывок, указанный в «лекционарии» англиканской церкви, иногда

читаем других авторов, таких как Генри Нувен, Энтони де Мелло, Жан Ванье, Джерард Хьюс. Мы можем исполнять песнопения Тэзе или гимны Айоны, а бывает и так, что мы используем музыку без слов. Помимо Господней молитвы, никаких четко зафиксированных образцов не существует. Но молчание является составной частью всех этих литургий. Мы обычно уделяем время общению, во время которого нужды других людей доводятся до нашего внимания, что помогает нам избежать постоянно присутствующего искушения быть поглощенными только лишь своими собственными горестями или радостями.

Во всех этих изменяющихся формах ежедневной молитвы часто проявлялись квакерство и Тэзе. Молитва Тэзе, основанная на пророческом межцерковном пении Братьев, становилась иногда «парковочным местом» для людей, которые решались оставить свою конгрегацию, и которым нужно было найти духовный дом, и вовсе не обязательно — в здании церкви. Многие тысячи молодых людей со всего мира приезжают сегодня каждое лето в Тэзе, и постепенное развитие их молитвы и образа жизни во второй половине XX века стало одним из самых удивительных движений в христианской церкви. Мы надеемся, что это движение продолжит касаться сердец многих людей в XXI столетии так же, как оно коснулось нас в период нашего брака.

Пишет Сюзан…

Когда один из партнеров в браке становится квакером, то возникает целый ряд трудностей при попытке молиться вместе. Из-за разницы наших темпераментов за все время совместной жизни мы никогда не уделяли особых периодов времени богослужению вдвоем. Подходящая одному молитва могла вызвать у другого скрежет зубов, и все-таки в сердце нашего брака находится общее обетование совместного путешествия в вере. Молчаливое богослужение не годится для Роджера, а множество слов — это слишком

для меня! Вот почему, пребывание в сообществе, где ежедневная совместная молитва включает разные способы поклонения, стало для нас особым подарком.

Пишет Роджер…

Евхаристия

В Соседской общине мы «принимали пищу с неподдельной радостью в сердце» (Деян 2:46), часто встречаясь для совместных трапез, иногда делая общие крупные закупки продуктов, стремясь к бережливости, а также мы одалживали еду друг у друга чаще, чем это принято в обычном домовладении. Конечно, добрые соседи на любой улице занимают что-то друг у друга, но сообщество совместного проживания задумано как нечто большее, чем случайное соседство, поскольку все кладовые открыты и доступны, независимо от того, дома ли их хозяева.

Ежедневные совместные трапезы привели Общину к ритуальному хлебопреломлению и причастию вином, но при этом присутствовало значительное теологическое различие между мной и Сюзан. Мы оба верили в то, что вся жизнь священна, но в то время как внешние и видимые символы с внутренним и духовным значением, такие как евхаристия, продолжали быть значимой частью моего духовного путешествия — Сюзан приняла квакерскую идею о том, что подобные ритуалы не обязательны. За трапезами Общины квакеры, включая Сюзан, из солидарности становились участниками множества евхаристий, а иногда и их основными инициаторами. Порой подобные события происходили спонтанно, а иногда были запланированы заранее, чтобы дать нам возможность пригласить посетителей, особенно во время Поста и Пасхи.

Евхаристия представляет собой не ситуацию «да или

нет», а некий спектр, на одном конце которого римско-католическая церковь с ее мессой, имеющей центральное и доминантное значение, а на другом — квакеры. В промежутке находятся англикане, методисты и прочие, у кого может быть различный теологический подход к евхаристии, но кто настаивает на том, чтобы мы не отвергали социальное восприятие Евангелий, прячась за ритуалом литургии. Некоторые христиане отрицают сакральность всей жизни, а многие следуют другими путями. Долгое время квакерский дресс-код был внешним и видимым признаком с внутренним и духовным значением, а для католиков коленопреклонение и символ креста продолжают иметь символическое значение и сегодня. Мы знаем, что Иисус «благословил и преломил хлеб», чтобы накормить пять тысяч человек, и что «ели все и насытились» (Марк 6:41—42). Эта первая из всех христианских евхаристий включала всех присутствующих, и те, кто избрал хлебопреломление, были подвигнуты к этому Иисусом. И только впоследствии евхаристия стала эксклюзивной — включающей лишь немногих.

В Соседской общине мы были благодарны служителям множества различных деноминаций, которые пожелали присоединиться к нам и руководили распределением вина и хлеба. Возможно, их желание сделать это было показателем внутреннего стремления к единству во времена, когда совместное причастие остается значимым камнем преткновения на формальных, институциональных уровнях. Может быть, мы находимся на пути обратно — к доступным для всех праздникам, которые привнесут некоторую схожесть с ранней церковью? Мы благодарны за это, но стоит отметить, что ни Сюзан, ни я — квакер и не-квакер — более не настаиваем на том, что имеющий духовный сан служитель обязательно должен руководить евхаристией, чтобы она стала подлинной. В нашей ситуации хлеб обычно печет Сюзан на нашей с ней кухне, а вино, относящееся к товарам справедливой торговли, поступает

из местного кооперативного магазина. Нам кажется уместным, что богослужение иногда проводит пекарь или продавец.

Деноминации

Когда мы начали обсуждать возможность преобразования группы-ячейки, члены которой жили в разбросанных по округу домах, в сообщество совместного проживания, это был все еще полностью англиканский проект, и наша четверка основателей, купивших со временем дома на Ардингтон-Роуд, была вся как-то связана с англиканской церковью; некоторые более тесно, а другие — менее. Однако в самом начале, почти без обсуждений и единогласно было принято решение, что наша Община будет экуменической и междеминационной. Позже мы написали официальное заявление о своей цели:

> Наша цель — развивать общинную жизнь, которая позволит нам исследовать свою веру и делиться ей, а также заботиться о других, согласно евангелия. Наши более общие задачи — содействовать христианскому единству и общности, стремиться к взаимопониманию с верующими других религий.

Когда в 1986 году мы добавили в Общину четвертый дом, к нам присоединилась семейная пара молодых методистов, а пятый дом купил католик, который прожил там семь лет и женился на женщине-квакере. Когда методисты уехали в Бирмингем, где супруг начал учиться, чтобы стать служителем, их дом купила англиканская пара, которая также оставалась с нами семь лет, прежде чем уехать туда, где жена завершала свое обучение на англиканского священника. Тем временем Сюзан присоединилась к Друзьям [самоназвание квакеров, — *прим. ред.*], а оба члена другой пары, приехавшей в нашу Общину в качестве като-

лическо-баптистской семьи, стали вместе со своими детьми постоянно посещать Нортгемптонское квакерское собрание. Эти и подобные им изменения за период в двадцать лет обусловили экуменический фокус нашей семейной жизни и пребывания в Общине, в разное время включавшей представителей пяти различных деноминаций. Мы могли менять свои взгляды на главенство и незаменимость духовных лиц как посредников между человеком и Богом, но мы также часто бывали благодарны нашим близким друзьям, последовавшим своему призванию к профессиональному духовному служению, и мы делали все возможное, чтобы поддерживать их в сложный период обучения и изменения образа жизни.

Различные деноминационные взгляды скорее обогащали, нежели затрудняли нашу совместную жизнь, и хотя, как и большинство семейных пар, мы иногда ссорились между собой, наши разногласия редко касались религиозных вопросов. Соседская община, которая стала центром нашей совместной жизни, и которая была основана активными членами церквей и была предназначена для совместных богослужений, всегда оставалась христоцентричной. Именно евангельское учение Иисуса привело нас к единству и удерживало вместе.

С точки зрения Друзей минус нашего деноминационного разнообразия состоял в том, что в отличие от квакерских сообществ в Бэмфорде в Британии или Пендл-Хилле в США у нас не было особых намерений установить образ жизни, включающий свидетельства мира, простоты, правды, равенства и сообщества[1]. У нас есть молчаливое богослужение, иногда квакерское благословение трапезы молчанием, иногда, во время Поста — обсуждение Библии в молитвенном духе, но все это переплетается с литургия-

[1] В наше время к историческим свидетельствам некоторые квакерские авторы добавляют общинность.

ми из других источников, таких как Тэзе, Айона и «Книга общих молитв».

В 1980-е годы Сюзан пробовала посещать несколько религиозных организаций в шаговой доступности от нашего нового дома, и на какой-то период нашла временное пристанище в независимой евангелической церкви, которая встречалась в местной начальной школе. Тем не менее, она скоро осознала, что ее истинным духовным домом было квакерство, и стала постоянным посетителем, а затем, в 1989 году, и членом Нортгемптонского квакерского собрания. Сюзан — активный квакер, она несет несколько местных служений, координирует написание книги «Вот, кто я. Слушание со старшими Друзьями», опубликованной издательством «Квакерские книги» в 2003 году, а также работает наставником в Вудбруке, куда нас обоих пригласили в качестве «проживающих Друзей» в 1992 году.

Эти деноминационные изменения отражают перемены в том, во что мы верили, и во что не верили. В 1957 году мы оба могли бы без сомнений продекламировать Никейский Символ Веры, но с годами мы многое узнали из чтения и своего опыта взаимоотношений, и теперь ни один из нас не придерживается основанных на Библии кредо. Произошли и позитивные изменения. Сюзан прочитала много исследований об историческом Иисусе, особенно — проведенных американскими теологами, открывшими так много нового во второй половине XX столетия. Она бы, возможно, не стала говорить о божественности Иисуса, но мы оба признаем основополагающее значение Писания как уникальной книги. В шкале христианских убеждений мы оба сказали бы, что все больше верим во все меньшее количество положений и надеемся, что освобождаемся от некоторых сомнительных наслоений, навязанных за последние два тысячелетия церквями и их священниками. Это не значит, что кто-то из нас стал христианским фундаменталистом. Напротив, из-за того, что

Евангелия переполнены притчами и культурными инсинуациями, вряд ли можно достоверно определить буквальное значение некоторых наиболее туманных отрывков. Простой пример этого можно найти в Евангелии от Матфея 26:61, где Иисус говорит, что может разрушить этот Храм и восстановить его за три дня. Поскольку строительство Храма заняло у иудеев сорок лет, это стало бы невыполнимой строительной задачей, но Иисус говорил о своем теле, как о «Храме Божьем».

Мы оба участвуем в молитвах почти каждый день и часто ходим вместе на службы в церковь, и хотя наши приоритеты различны, это не создает чувства раздельности в нашем браке. В своих наилучших проявлениях это обостряет продолжающиеся беседы о поиске Бога, а самое худшее, что можно упомянуть — то, что повседневное общение затрудняется, когда по воскресеньям Сюзан идет в Дом собраний, а я работаю волонтером на раздаче супа.

Сюзан, вдохновленная чтением квакерских текстов, и я, под влиянием наблюдения как слабых сторон, так и даров представителей духовенства, которых мы так хорошо знали, сомневались, что можем полагаться на рукоположенных служителей. Мы оба также узнали опасности связи с религиозными доктринами, которые провозглашались в качестве истины — в основном, церковными авторитетами. Подобные доктрины нуждались в проверке Евангелием, время от времени, и также в проверке жизнью богобоязненных людей век за веком — как духовенства, так и мирян. Друзья в Лондонском годовом собрании в 1986 году заявили: «Отсутствие рукоположенного духовенства не означает отсутствия лидерства или служения. Мы получаем дары Духа, включающие и то, и другое» («Квакерская вера и практика» 12.02). Поэтому может быть более правильным сказать, что квакеры не многого достигли со служителями, но многого — с мирянами («Квакерская вера и практика» 11.01). Они спрашивают: «А что можешь сказать ты?» («Квакерская вера и практика»

19.07), подразумевая, что личный опыт часто бывает более верным руководителем, нежели догма.

Мы оба обнаружили, что образ жизни сельских общин англиканской церкви, где мы были прихожанами в Шеффилде, а затем в Нортгемптоне, становится все в большей степени ограничивающим, и мы искали теологию и образ жизни, которые были бы ближе к учению Иисуса о справедливости. Сюзан, например, раздражало то, что англиканская церковь относится к женщинам как к второсортным служителям, и отказывается рукополагать их в священники. Женщины отодвигались на второстепенные позиции, и доминирующее мужское духовенство часто игнорировало их духовные дары. Сюзан присоединилась к Движению за рукоположение женщин, и хотя сама она не была тесно связана с церковной жизнью, она стала активисткой вместе с другими и радовалась, когда первая женщина-священник была рукоположена в 1994 году. Она не чувствовала собственного призыва стать служителем и перешла в квакерскую веру, где отсутствуют рукоположенные служители. «Квакерская вера и практика» 19.31 цитирует Джорджа Фокса 11.01):

> Что, все истинные христиане — священники? Да. Что, женщины — священники? Да, женщины — священники.

Многолетней квакерской практикой было проводить как можно менее четкое различие между мужчинами и женщинами при назначении их на ответственные позиции, и равенство полов считается само собой разумеющимся во всех многочисленных группах, которые входят в Религиозное общество Друзей. Отсутствие гендерных различий входит в то, что квакеры называют «правильным порядком».

Следующее деноминационное влияние пришло к нам из посещений аббатства Турви, Бенедиктинского монастыря около Брэдфорда, а позже — еще одного монастыря

на острове Шоу у Западного побережья США. Ритм сменяющих друг друга в течении дня молитв и ручного труда казался подходящим для христианского сообщества. Бенедикт учил тому, что молитва — это работа, и ручной труд — также работа. Это привело нас к включению ежедневных молитв в образ жизни Соседской общины. Поездки в отдаленный греческий монастырь познакомили нас с греческой православной церковью, и мы внесли небольшой вклад в восстановление заброшенного монастыря, который посещали, начиная с 1992 года. Экуменический опыт привел нас к мысли о том, что единство, о котором Иисус молился «да будут все едины» (Иоанн 17:21), скорее всего, идет от самого нижнего уровня церкви вверх, и от самого верха вниз. Формальные заявления единства от церковных властей важны, но скорее как водительство для людей на местах, и можно считать, что они формулируют то, что уже и так происходит на нижнем церковном уровне.

В заключение скажу, что наши духовные путешествия стали доминантной частью нашего брака, и они охватывали широкий экуменический и междеминационный спектр. Наиболее значительное влияние на нас обоих оказали Шеффилдская индустриальная миссия, община Тэзе, наше двадцатилетнее членство в Соседской общине, а для Сюзан — ее членство в Религиозном обществе Друзей (квакеров). И все это было свидетельством Евангелия любви и сострадания к нашим ближним — мужчинам и женщинам, особенно к обездоленным и униженным. Источниками мудрости для нас были люди, с которыми нам посчастливилось познакомиться в реальной жизни: Тед Уикам (англиканская церковь), Джордж МакЛеод (церковь Шотландии), брат Жан (община Тэзе) — ставшие для нас примерами того, как нужно говорить правду властям; и Кен Томас (баптистская церковь), Джани О'Ши (Общество Друзей), Чарли Моул (англиканская церковь) — с их личной религиозной преданностью и пониманием

жизненной цели.

3. Брак — Сюзан

Некоторые исторические размышления

> *С какой целью творец человечества сначала разделил нашу расу людей на два пола — мужской и женский, а затем вселил из них сильное желание соотноситься и соединяться друг с другом? Разве не ясно, что он хотел, чтобы они объединялись и жили вместе, и общими усилиями изобретали путь совместной жизни?*
>
> *Мисониус Руфус, 35–100 гг. (Коулман, 2004)*

В Новом Завете Павел сказал следующее:

> Посему оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей, и будут двое одна плоть. (Ефес 5:31)
> Посему выдающий замуж свою девицу поступает хорошо; а не выдающий поступает лучше. (1 Кор 7:38)

В религиозной жизни всегда присутствовало противоречие между браком и целибатом. Павел столкнулся с этим противоречием, явно одобряя брак, когда писал ефесянам, и порицая его, когда писал коринфянам. В 1 Послании Коринфянам 9:5 присутствует по-человечески очаровательная цитата, в которой Павел ворчит, что если Петр и братья Иисуса брали в путешествия своих жен, то почему бы ему не взять с собой брата-христианина? Павел был всего лишь человеком, в конце концов! Я нахожу великое утешение в том, что Августин, как я узнала, встречался с теми же дилеммами, которыми сегодня озадачены мы, и одна из них лишь недавно была решена Актом

о гражданском партнерстве, придавшим некоторое юридическое правомочие однополым партнерам.

> Если мужчина и женщина живут вместе, не будучи связаны законными узами и не с тем, чтобы иметь детей, но потому что они не могут соблюдать воздержание, и если они договорились между собой больше ни с кем не вступать в отношения, можно ли это называть браком?
>
> *Августин, IV век н. э. (Коулман 2004 — 7).*

Брак представлялся частью законов природы, не относящихся исключительно к человеческому царству, но разделяемых всеми тварями — союзом мужчины и женщины и производством потомства. Разумеется, согласие вступить в брак предполагало и готовность к сексуальной стороне семейных отношений, и сексуальная жизнь была таинством, которое осуществлялось брачными служителями — супругами. Лишь начиная с V века появляется возможность вступления в брак по-христиански, а то правило, что христианский брак должен быть заключен посредством обмена клятвами в церкви, под руководством священника, с проведением последующей брачной мессы по желанию пары — на Западе не было твердо закреплено вплоть до XIII века. И даже в XV веке примерно половина населения продолжала вступать в брак под эгидой семьи или по частному соглашению, а не в церкви.

В период Реформации Лютер и Кальвин противостали церковной власти над брачным законодательством, будучи убеждены в его принадлежности «божьему государству». Когда англиканская церковь попыталась закрепить процедуры положениями Акта Хардвика 1756 года, сделав обязательным проведение всех бракосочетаний в своих приходах, исключение было сделано лишь для квакеров и иудеев. Квакеры, начиная с 1656 года, просили собрания устраивать браки между членами, готовить и документально оформлять квакерские свадьбы, что бы-

ло необходимо для юридического статуса и имущественных прав детей. В 1659 году была принята запись в протоколе о процедуре бракосочетания, предполагающая публичное объявление брачных намерений на Общем собрании или же в конце богослужения того квакерского собрания, к которому принадлежит пара. Брак должен был утверждаться на собрании в присутствии не менее десяти Друзей, и регистрироваться брачным сертификатом, вскоре после этого предъявляемым общественному магистрату для скорейшего подтверждения законной правомочности данного документа. В 1668 году Джордж Фокс предпринял шаги для укрепления квакерских процедур бракосочетания, передав свадьбы в ведение месячных квакерских собраний, которые должны были заново подтвердить браки, заключенные ранее священниками (Брайтуэйт, 1923 — 8).

Томас Корбетт, сочувствовавший Друзьям уэльский юрист, в 1679 году составил заключение о том, что, если мужчина и женщина соглашаются стать мужем и женой на всю оставшуюся жизнь, но без благословения рукоположенного служителя церкви и без использования формы, представленной в «Книге общих молитв», то их бракосочетание имеет статус обоюдного соглашения в рамках гражданского законодательства (Хорль, 1988 — 9).

Первые христианские церкви существовали под покровительством семейных домовладений, так же как по представлениям пуританских времен единодушный брак обеспечивал «гармоничный фон для духовной жизни» (Хайден, 2002 — 10). Тем не менее, в III и IV вв. амбициозные, более молодые и бедные люди могли достигать лидерских позиций в церкви через идеал целомудрия за счет богатых глав семейств, чьи разнообразные обязательства считались помехами призывам религиозной жизни. Освященный брак лишился своей центральной роли в церковной иерархии, идеалом стала «мистика воздержания», которую мы сегодня видим как один из двух опорных столпов

в римско-католической и православной церквях, а также в других религиозных традициях, для примера можно назвать странствующих садху и буддийских монахов. В православной церкви служитель должен жениться, прежде чем он станет приходским священником, но только лишь давшие обет безбрачия монахи смогут стать церковными иерархами.

Идея совместных путешествий семейных пар ранних квакеров не получила одобрения, хотя Друзья солидного возраста, такие как Томас и Энн Кэмм, иногда отправлялись в поездки вместе. Вступление в брак означало принятие определенного рода ограничений. Социальные узы, привязывавшие верующего к семье, а через семью — к государственной системе, препятствовали миссии распространения «Благой вести».

Преобразование

Томас Мур (современный психотерапевт, не путать с сэром Томасом Мором 1478—1535 гг.) пишет, что брак — это русло преобразований, место развития души, глубинное нерациональное соединение, порождающее процесс ферментации, слияния противоположностей, чтобы получить вино с богатым вкусом (11). Он говорит об этом, как об алхимии, псевдонаучном предшественнике химии, адепты которого искали способ превращения простого металла в золото. Именно на это способна тайна брака — превратить обычный металл в золото. Какая заявка!

В Евангелии от Иоанна первое чудо, которое Иисус сотворил на людях, произошло на свадьбе, когда он превратил воду в вино, тем самым не только предотвращая неловкую ситуацию для жениха, у которого не хватило вина, но также показывая, что должно происходить в браке.

Молодой друг, который останавливался у нас дома,

расспрашивал: «Что вы делаете для сохранения долгосрочного брака? Брак этого стоит?». Возможно, это неверные вопросы. Дело не столько в том, что мы делаем, сколько в том, что происходит в этом преобразующем русле, потому что, очевидно, ничто другое не вызывает такого изменения вашего образа жизни, как открытость алхимии брака. Конечно, мы можем выбрать ведение параллельных жизней, никогда по-настоящему не посвящая себя погружению в «русло» всем сердцем и душой, но в случае такого выбора начинает действовать другая алхимия — отвердения и жесткости, приводящих к хрупкости и создающих «ящик без ключа», а никак не русло, из которого может изливаться золото.

Бракосочетание в 1957 году. Семейная жизнь до 2006 года

Я хотела бы воскресить в памяти свадебные традиции, существовавшие в 1957 году, когда мы поженились, но у меня остались весьма туманные воспоминания об этом времени. Мы предполагали, что вступаем в брак на всю жизнь, и что общество и церковь поддерживают этот идеал.

Среди наших знакомых было несколько людей, которые развелись. Я припоминаю экзотический и рисковый образ одетых в красные шелковые чулки и закинутых одна на другую женских ног, обладательница которых сидит на высоком табурете в баре, с сигаретой в длинном мундштуке в ярко-красных губах и коктейлем в руке. Или зловещих мужчин в плащах и надвинутых на лицо шляпах, праздно маячащих в дверных проемах, разыскивая свидетельства вины «в этом». Но такое не было для нас реальностью, и мы не имели к этому прямого отношения.

Если бы мне пришлось размышлять о браке аналити-

чески, то я бы, вероятно, смогла назвать людей старше себя, которые казались несчастливыми в браке, «изнемогавшими в неравноправии», и затем «отступившими», часто начав жить каждый по-своему. Но мысль о том, что они могут развестись, меня бы шокировала. Люди не всегда бывают абсолютно счастливы, хотя взрослая жизнь и общество ожидают от них максимального преуспевания в этом.

Одинокие люди составляли отдельную, стороннюю группу. Моими учительницами были странноватые женщины, многие из которых могли бы выйти замуж, если бы не утраты в результате Первой мировой войны. Домохозяйка, у которой я снимала жилье, была подвижной и достаточно острой на язык дамочкой, флиртовавшей с отцами живших у нее девушек, и также ходили весьма правдоподобные слухи о романе заместительницы директора школы и учителя драмы. Мы с пониманием относились к этим странностям.

Во время II мировой войны многие женщины остались одни. Подруга говорила о своей матери-вдове: «Она стала для меня образцом того, как может выживать женщина». Когда эйфория наступившей мирной жизни рассеялась, и женщинам пришлось вернуться к домашнему очагу, многие начали сомневаться в предписанной им роли, но для того, чтобы выйти из омертвелого брака, они должны были преодолеть все препоны существующего брачного законодательства, которое требовало немыслимых свидетельств для доказательства того, что брак разрушен, наиболее достоверным из этих свидетельств была измена. Развод помещал человека за пределы общества, репутация разведенного или разведенной была безнадежно испорчена. Также в те времена женщине было очень трудно самостоятельно содержать себя и своих детей.

Контроль деторождения оставался весьма ненадежной дисциплиной — все эти резиновые колпачки в розовых коробочках и кремы для предохранения от вредоносной суб-

станции. Неудивительным было огромное число незапланированных беременностей, а забеременев, вы должны что-то с этим делать. Аборты проводились нелегально и с серьезным риском.

Во времена Римской империи взрослыми становись только двое из десяти новорожденных, но в 1950-х годах мы достигли равновесия детской смертности и выживания. Роды стали безопаснее, и большее число детей стало выживать. Представлений о мировом перенаселении не существовало, но также отсутствовала первостепенная необходимость возобновления численности населения. Мы родили детей, потому что хотели их, и нас не останавливали затраты на их содержание и воспитание. В более поздние годы нам доводилось ощущать потребность извиняться за свои большие семьи.

Приспособление или жертва?

Томас Мур говорит нам: «Вместе вы становитесь слитыми воедино душами».

Слово «жертва» представляется слишком сильным выражением, оно отдает запахами Храма, блеющих овнов и откормленных тельцов — это не термин XXI века. Тем не менее, кажется неизбежным то, что некоторые из наших надежд, привычек и развлечений придется оставить ради благой цели «слияния душ». В свое время ранние Друзья приносили реальные жертвы, но мне неясно, пожертвовали ли чем-нибудь мы? Приспособление происходило, и, действительно, от некоторых вещей было невероятно трудно отказываться, но это не стало потерей жизненно важных ценностей. Или, может быть, что-то и стало невосполнимым, но мы утратили отдельные пути, совместно избрав другие.

«В браке возможность лететь существует только для

одного из партнеров», — ответил один из моих друзей, когда его спросили о том, как он поживает. — «Моя жена летает, а я ощущаю свои локти прижатыми к бокам». Конечно же, невозможно пребывать в отношениях на всю жизнь без существенной степени приспособления. Наш сын и его партнерша обсуждали, переехать ли им в Сиэтл, и, слушая их беседу, я поняла, насколько значительные изменения требуются, чтобы привести в соответствие два жизненных курса и найти решение, которое позволит обоим участникам жить полноценно, возрастать и осуществить хотя бы некоторые их своих надежд. Это предполагает отказ от каких-то других надежд, но меня снова поражает чрезмерность слова «жертва». Оно кажется мне слишком громким в отношении тех вариантов, которые нам приходится выбирать. Будем ли мы жить в квартире или в отдельном доме? Останемся в центральном, и поэтому дорогом, районе города или же переедем в район подешевле, где у нас будет больше места, но мы будем зависеть от автомобиля? Это выбор образа жизни, но не те решения, которые должна была принять Элизабет Фрай, выбирая, выйти ли ей замуж за Джозефа Герни. По определению Джин Хаттон: «Она скучала по нему в его отсутствие, ... но все-таки слишком многое в нем продолжало раздражать ее, и она часто чувствовала себя лучше, проводя время с бедными людьми в своей школе» (Хаттон, 2005 — 12).

Роджер отказался от своего увлечения крикетом, поскольку я по своему характеру не годилась на роль жены игрока в крикет. Вряд ли это можно назвать самопожертвованием. Какое приспособление потребовалось от меня? Думаю, это было обучение тому, как ухаживать за кем-то, обладающим весьма четким видением своих жизненных планов, в осуществлении которых я хотела ему помочь. Я вернулась в англиканскую церковь, поскольку Роджер, хотя он и не связывал свое членство с каким-либо конкретным приходом, явно находился в англиканской сфере — прежде всего, через Шеффилдскую индустриальную мис-

сию, которая, несмотря на заявления о сотрудничестве со всеми конфессиями, была глубоко укоренена в англиканской церкви. Я отказалась от своего школьного англиканства в пользу пресвитерианской церкви, имевшей отношение к Общине Айона. Мое участие в этом сообществе началось во время учебы в колледже и привело меня в Индустриальную миссию, а затем к Роджеру. Называть мой возврат к англиканским корням самопожертвованием означало бы придать ему слишком большое значение. Я отчасти сама хотела, чтобы наши религиозные пути совпадали, а дети росли в одной вере, и они получили бы от этого много хорошего. У меня не было особых причин, препятствующих тому, чтобы я стала домохозяйкой, и идея продолжать работать специалистом по развивающим занятиям не приходила мне в голову. Я помню, как была шокирована тем, что наша соседка в Шеффилде настолько сильно погрузилась в движение дошкольных игр, что фактически оставила основную часть забот о собственном ребенке своему мужу, методистскому служителю. Это было моей первой встречей с кем-то, не пожелавшим пожертвовать своими карьерными притязаниями для осуществления тогдашних представлений о роли жены. Теперь же считается нормальным, чтобы самопожертвование, если его так называть, было обоюдным.

Согласно Юнгу, «истинная любовь предполагает жертвование потенциалом» (13). Имеет ли он в виду, что те, кто обладает огромным потенциалом, не могут реализовать его в браке? Это возможно, поскольку нам всем известны люди, которым не стоит вступать в брак так как их стремление реализовать свой потенциал настолько сильно, что отношения для них невозможны без невероятных обоюдных жертв. Тем не менее, жертва может быть взаимообразно вознаграждена, когда великие планы претворяются в жизнь. Были периоды, когда Роджер развивал новые идеи и осуществлял новые проекты, давая понять членам семьи, что она «отходит на второй план»,

как выразилась одна из наших дочерей. Кристина Треветт описывает, что «когда общественно активные квакеры вступают в брак, они вскоре обнаруживают, что разделяются, ... совместные путешествия семейных пар не одобрялись в XVII веке» (14).

Притирка неизбежна, если кому-то приходится спать на непривычной стороне кровати. Попытка объединить два образа жизни предполагает изменение и модификацию. Повседневные тяготы совместной жизни могут стать разрушительными, если мы не будем внимательны. Роджер ненавидит пуховые одеяла, ему под ними жарко, поэтому мы по-спартански обходились купленными моей матерью на нашу свадьбу одеялами, которые к настоящему моменту сильно обветшали (я повторяю детям, что еще хотела бы использовать одно из них в качестве савана на своих похоронах). В семье мы пьем кофе или же чай? В какое время едим? Ежедневная рутина может сильно отличаться в тех семьях, откуда мы пришли, и создание новой рутины может вызывать непредвиденные культурные стычки и накопление неурядиц, оставляющих одного партнера с ощущением собственной недооцененности и смятения. Становясь старше, мы вступаем в постоянное состояние приспособления, к которому становимся все больше готовыми. Всегда останутся точки преткновения. Я не превращусь в отважную путешественницу по странам «третьего мира», так что Роджер должен будет ездить туда один. Посещение концертов не является для него приоритетом, но нам никогда не следует спешить с предположениями, потому что мы способны передумать и внезапно расстроиться из-за предположения о том, что нам не хочется идти на концерт в пятницу. О, боже, все это такой тяжкий труд, и мы не можем постоянно справляться. У нас есть опасность ускользнуть друг от друга, и все предыдущие жертвы и притирки окажутся тщетными.

В Иисусе мы видим Божье обещание миру. «Мой Отец все вверил Мне. Никто не знает Сына, кроме Отца, и Отца

никто не знает, кроме Сына и того, кому Сын пожелает открыть» (Мф 11:27, *перевод — Радостная весть*), и наше символическое обещание друг другу каким-то таинственным образом вмещает все, что это может означать в настоящей и верной жизни для этих самых приземленных отношений. «Брак, подобно домашнему рабству, был призванием, лишенным очарования», — пишет Питер Браун о II веке н. э. (15). Нам не нужно заходить так далеко, но продолжение рода, владение имуществом, телесная, финансовая и духовная забота одного человека о другом в самом интимном смысле отражает особый аспект иудеохристианской традиции. Если подумать, это ощущается как огромный скачок, отход от анатомии через передачу своей собственной жизни другому человеку на хранение и принятие чьей-то жизни в присутствии Бога и собрания, и это может быть шагом в новую жизнь.

Жизнь в общине и брак

Для Мартина Бубера «Сообщество брака — часть большего сообщества, присоединяющая свои собственные проблемы к общим проблемам», — Мартин Бубер, 1947 (16). Семейные пары могут казаться эксклюзивными, исключающими других членов сообщества. «Одинокие люди вращаются вокруг семейных пар», — именно так описала ситуацию женщина, вступившая в Католическое рабочее движение. Иногда сообщества намеренно опираются на состоящие из семейных пар центры — двое по цене одного. Мартин Бубер считал сообщество брака обязательством подотчетности друг другу, сознательным вступлением в отношения друг с другом, что составляет абсолютную основу сообщества. Это взаимное переплетение.

Соседская община не всегда была успешной в создании

пространства для одиноких людей на одной стороне и семейных — на другой. Когда заканчивается еженедельное собрание, некоторые идут домой, где могут обсудить произошедшее со своими супругами или отвлечься на детей, а другие остаются сами по себе. Жизнь в сообществе — не панацея от одиночества. Возможно, один из критериев жизни в сообществе, как и в семье — способность быть в одиночестве. Нам звонят под Новый год: «Я страдаю от одиночества. Можно мне прийти в вашу общину?» Не очень хорошее начало изучения жизни в сообществе!

В квакерском собрании обычно много «одиночек», и особенно — квакеров, состоящих в браке с не-квакерами, поэтому здесь в меньшей степени чувствуется эксклюзивность. Но решающее значение почти всегда имеет тот, другой — партнер квакера, и поэтому участие пары в сообществе собрания в конечном счете, зависит от готовности к этому не-квакера. Член нашего собрания должен быть дома к обеду в час дня, у его жены-методистки менее жесткий распорядок дня.

В наше время, когда слабеет чувство сообщества в более широком смысле, брак часто несет на себе нагрузку единственного сообщества для многих людей, и следует учитывать то, как это влияет на вынужденно одиноких людей, живущих отдельно и окруженных посторонними. Вспоминаю общение в воскресенье с одной женщиной, членом нашего собрания в Уотерстоунс. Я спросила ее, чего она хочет. «Заполнить время до того, как пойду домой обедать в одиночестве», — сказала эта успешная привлекательная женщина, у которой множество друзей. На протяжении нескольких лет Соседская община пыталась помочь преодолению воскресной изоляции, устраивая чай для всех желающих, и это было нашим самым нелюбимым обязательством. В 2004 году мы решили отказаться от этой затеи, поскольку почувствовали, что она себя исчерпала. Все дело было в группе людей, которые оказались настолько несостоятельными, что каждому требовалось индиви-

дуальное внимание, и они определенно не хотели, чтобы приходил кто-то еще.

Мы с Роджером однажды принимали участие в ретрите Отрядов Богоматери — крупной католической организации, поддерживающей брак. Каждый раз, когда я сидела не с Роджером, кто-нибудь спрашивал меня, где он, и почему я сижу одна? Я отвечала, что всегда могу сидеть с ним, но что мне бывает нужно посидеть и одной! И я поняла, какая это роскошь.

«Зачем вступать в брак?» Пози Симмондс

Брачный договор

Джордж Фокс сказал: «Мы не женим никого, это работа Господа, а мы — только свидетели» («Квакерская вера и практика» 16.01). Квакеры всегда старались регулировать процедуру заключения брака в рамках текущего законодательства, оставаясь верными своим принципам. Об истинных ценностях, которые общество приписывает браку, свидетельствует то, что оно стремится соотнести его с общей законодательной базой и укоренить в сообществе. В США закон разрешает вступление в брак в любом месте, если при этом присутствует священник, за исключением штата Аляска, территории маленьких разбросанных поселений; там для признания брака законным достаточно присутствия двух свидетелей. Видимо, даже в таком труднодоступном месте принято считать юридический ас-

пект брака обязательством перед сообществом, содействующим стабильности сообщества, так что свидетели брака придают ему статус соглашения между парой и государством.

Тем не менее, с браком ассоциируется и другое ключевое слово — «контракт», имеющее негативное значение ограничения, принижения и сокращения. Все эти слова скорее уничижительные, нежели обогащающие. Кажется, что те из нас, кто долгое время состоит в браке, должны обретать энергию в предполагаемых ограничениях, таких как деторождение. Это — испытание и нечто, кажущееся все менее и менее оцененным и признаваемым. «Не запирайте меня за этим забором», даже если забор дает мне защиту и обоснование. Глядя на коров и лам в поле за гостевым домом бенедиктинского монастыря, которое окружено забором, так чтобы у каждого стада было свое пастбище, обеспечивающее пропитание, чтобы скот становился сильным и здоровым и мог производить жизнеспособных отпрысков, я могу сознавать ценность установленных границ. Я в состоянии представить себе коров и лам, глядящих на лес по другую сторону забора и стремящихся вырваться туда, это у некоторых из них получается, но они недолго смогут бродить там, подобно оленям на свободе, они рискуют быть сбитыми машиной или застреленными.

Брак — юридический договор, но, как члены религиозного сообщества, мы верим, что вовлечение людей в этот контракт остается «работой Господа». Невзирая на тревожащую статистику разводов, люди продолжают чувствовать, что им нужен этот контракт друг с другом, и во многих случаях предпочитают вступать в него в религиозном окружении, с которым они не всегда сохраняют связь, и в котором не всегда участвуют на повседневной основе. Привлекательная атмосфера явно определяет их выбор. В современной церкви в грубоватом стиле, устроенной в местном торговом центре, вступают в брак немногие

из тех, кто не являются ее членами, а в расположенном по соседству старинном приходском храме желающие обвенчаться записываются в очередь. Невзирая на наш цинизм в отношении причин для выбора церковного бракосочетания, должно присутствовать внутреннее ощущение того, что этот шаг означает превращение бракосочетания из формального признания реального положения (и часто это касается уже рожденных детей, как показано в комиксе Пози Симмондс (17) в имеющие юридическую силу отношения с некоторыми ожиданиями продолжительности — «на всю жизнь» — и здесь требуется всевозможная поддержка, с участием Бога и великого сонма свидетелей. Остается под вопросом, отвечают ли религиозные учреждения этому требованию. Знакомый викарий в приходе Сэйнт-Олбанс рассказывает истории о том, что происходит, когда некоторые пары готовятся к вступлению в брак. Одна молодая женщина поинтересовалась, можно ли выходить замуж, не пожив перед этим вместе. А еще у одной пары спросили, когда они хотят крестить своего ребенка — до или после бракосочетания. «До, — ответили они. — Первый был внебрачным, пусть и этот будет таким же». И вся семья отправилась к ступеням алтаря сразу после баптистерия! Католическая епархия в Нортгемптоне не разрешает парам венчание, если они не прошли курсы подготовки к вступлению в брак. Как насчет такого, Друзья?

В некотором смысле шаг от сожительства к принятию законных обязательств кажется изменением способа взаимодействия в отношениях. Подруга одной из наших дочерей, поразившись продолжительности нашего союза, ясно осознала, что ее собственные долговременные брачные отношения при наличии детей подготовили почву для юридического контракта, который она теперь ощутила себя готовой подписать. Ее взгляды отличаются от обычной идеи законного брака, во-первых, надеждой на то, что долговременные отношения будут развиваться, а также

на то, что в браке родятся дети.

Зоркий наблюдатель человеческой души, Энн Тайлер, пишет:

> Я знала пары, которые были женаты целую вечность, … сорок, пятьдесят, шестьдесят лет. В одном случае — семьдесят два года. Они ухаживали друг за другом, когда болели, им было что вспомнить вместе — как они справлялись с нехваткой денег, самоубийством дочери или наркотической зависимостью внука. И я начала подозревать, что неважно, вступили ли они в брак с правильным для себя человеком. В конце концов, вы вместе с тем, кто с вами рядом. Вы с ней расписались и провели полвека, узнали ее так, как знаете самого себя, или даже лучше, и она стала для Вас правильным человеком. Или единственным человеком — что точнее».
>
> *Тайлер, 1999 (18)*

Дар благодати

«Благодать вызывает наши действия, исполняет их — то, с чем мы не можем справиться сами, но только с помощью и поддержкой Бога», — Де Ваал, 1984 (19). Идея благодати или милости кажется уместной только лишь в религиозной обстановке, но возможно ее светским эквивалентом служит интуиция. Де Ваал подчеркивает, что этот дар Божий — незаслуженный дар, о котором человек даже и не просит — все-таки не пассивен. «Милостью Божьей», — это призыв к действию, а не «свершившийся факт».

«Изумленная благодатью» — то, как я себя почувствовала, когда Роджер сделал мне предложение! Как могло случиться, что этот поразительный человек захотел жениться на мне, и как я могу стать такой, как ему нужно? В «Квакерской вере и практике» 22.34 Элиза Булдинг признается в «пугающем чувстве» того, что она должна была «перестроить себя и стать человеком, достойным этого

предприятия». И таким было также мое ощущение, которое, как я теперь вижу, могло привести к разного рода трудностям и, в каких-то случаях, к разрушительным последствиям. Я способна потратить всю свою энергию, делая для другого то, что, как мне кажется, от меня требуется, и со временем могу дойти до такого состояния, в котором моя жизнь будет настолько подчинена его нуждам, что у меня больше не станется независимого существования. Вся энергия направлена в одну сторону, синергия отсутствует. Наблюдая примеры друзей, которые надеялись стать тем даром, который смягчит зависимость, психическое или сексуальное расстройство их партнера, я поняла, что для этого нужна благодать другого рода.

Мы, в конечном счете, должны осознать, что наш партнер также благословлен нами и нашими дарами, и что, отказываясь развивать свои дары, мы отрицаем «то, что от Бога в нас». Благодать — в единении, а оно зависит от нас. Лютер вступил в брак, потому что верил — в браке благодать Бога проникает в мир. В этом отличие брака в религиозном окружении от светского брака. Божьей милостью мы становимся дарами друг для друга, признавая, что этот человек — тот самый, с кем я смогу создать отношения, которые будут углубляться, расти и продолжаться до конца жизни. Это измерение в отношениях укореняет нас в сотворенном мире, соединяет нас с сообществом и открывает нас запредельному.

Партнерство жизни — партнерство для зарождения жизни

Существует много способов привлечения невидимых ресурсов мироздания и освобождения энергии, которой можно жить.

Джонс, 1921 (20)

Союз на всю жизнь имеет мало преимуществ помимо своей продолжительности, если только в этом союзе не рождаются дети. Восхищение нашими почти пятьюдесятью годами семейной жизни не полно, если не учитывает жизнь, которую она породила в каждом из нас, в наших детях и внуках, а также в тех, с кем нам довелось жить в одном сообществе. Очень легко соскользнуть на более низкий уровень существования бок о бок с партнером, проводя совместную жизнь, но в действительности почти не имея общей энергии и не оказывая друг дружке достаточной поддержки, пререкаясь по мелочам и постоянно раздражаясь друг на друга. Партнерство представляется таким позитивным. «Моя жизнь станет лучше, если я буду с тобой». Лучше, чем что? Боб Гелдоф рассуждает об удобстве брака, о возвращении домой к накрытому столу в конце трудного дня. Конечно, такая жизнь приятна, так комфортно долго быть вместе, вырабатывая общие привычки — кто что делает, без вопросов, просто живите и все. Однако эта испытанная и проверенная механика совместного проживания может также оказаться «слоновьей ямой», ловушкой, отрицанием возможности роста друг для друга, созданием такой взаимозависимости, что когда один партнер умирает, другой едва ли может продолжать существовать.

И, наоборот, мы можем оказаться в ситуации, которая подходит одному партнеру, но интересы другого отверга-

ются. В своей работе в качестве трудотерапевта я встречала пары, в которых вышедший на пенсию муж постепенно брал на себя все функции жены, и она со временем превращалась в инвалида, которого он обслуживал, становилась для него работой. Затем он умер — именно это время мы застали, познакомившись с вдовой-инвалидом, не способной жить самостоятельно. Возможно ли вернуть ей самостоятельность? Чудеса случаются. Я видела как мужчин, так и женщин, превозмогших уготованное им зависимое положение и начавших новую жизнь. Осторожно! Нам нужно постоянно проверять, как мы поступаем друг с другом. Остаемся ли истинными партнерами, взаимодополняющими друг друга, или же один из партнеров заперт в большей степени зависимости?

Обоюдная зависимость кажется неизбежной в долговременных отношениях. Неизбежно мы начинаем опираться один на другого. Когда кто-то позвонил мне, чтобы обсудить ежегодные доходы ежегодной ренты, признаюсь — мне пришлось позвать Роджера. Я этим не горжусь. Я завишу от Роджера в финансовых вопросах. Одна из наших дочерей настаивает на том, чтобы я научила его готовить. «Если ты умрешь первой, мама, он погибнет от голода». На самом деле, он умеет кое-что готовить. Наши дети создали менее гендерно обусловленные семьи, и наши зятья отлично готовят и сами гладят себе рубашки. Они ведь их носят, так что странно ожидать чего-то другого, но пятьдесят лет нашего брака мы так не считали. Женщины гладили, мужчины занимались деньгами и машинами, а также оставались ничейные территории садоводства и оформительства. Насколько устаревшим это все кажется. Но мне нужно сознательно создавать области независимости и автономии. Однажды я должна буду сама заниматься своими финансами и отвечать за свою машину. Я с восхищением наблюдаю за тем, как женщина, член нашего собрания, которая недавно развелась, принимает на себя ответственность за все сферы собственной жизни, и это заставляет

меня осознать, что я прячусь под зонтиком ролей, почти бессознательно приписываемых нами друг другу в течение пятидесяти лет.

Для меня одна из опасностей состоит в приписывании Роджеру роли «морального превосходства», а себе — «непослушной девочки». Я поняла это на примере семьи наших хороших друзей — они оба пасторы и теологи. Он любит музыку и собирает записи, выбирая которые, теряет свое обычное самообладание. Когда, чувствуя себя виноватым, он проносит их в дом и не говорит об этом жене, он предлагает мне взять их на время, чтобы облегчить свое чувство вины! Проблема в том, что нам нравится похожая музыка, и большинство этих записей у меня уже есть. Это все выглядит совершенно по-детски, но может стать разрушительным, и не в последнюю очередь из-за того, что тот, кому было предписано быть хранителем морали, способен ощущать тягу к массированному срыву, который угрожает стабильности всей семейной организации.

Брак как таинство

Томас Мур пишет: «Тайна брака вечна» (21). Мне трудно было бы обосновать идею долговременного брака как-либо иначе, нежели в контексте «таинства». Если рассматривать брак в религиозных/духовных рамках, можно принять рабочую гипотезу о том, что происходит нечто, обладающее внутренней преобразующей природой и действующее посредством благодати — дар, которым направленность к божественному преобразует процесс. Обязательство «всю жизнь» раскрывать этот дар придает значимость идее долговременного брака.

Кьеркегор, Байрон и Юнг в разное время описывали длительные отношения как «ад», или как «жертву», или

как «тюрьму». Тем не менее, Юнг также считает, что «полноценные, стабильные и продолжительные отношения не только могут удовлетворять, обогащать и служить источником счастья», но он также называет их «истинным и несомненным опытом божественного» (Уоллис, 1988 — 22).

Мы определенно разделяем убеждение о том, что брак — это религиозное действо (и я полагаю, что в этом смысле брак может быть «адом»!), и мы согласны с «Квакерской верой и практикой» в том, что «соединяющая мужчину и женщину любовь — часть великой любви Бога» («Квакерская вера и практика» 22.37). Внешний и видимый знак внутренней тайны, а не тюрьма, и мы были готовы принять то, что жертва стала частью процесса.

Элизабет Шюсслер Фиоренза утверждает, что для апостола Павла как брак, так и свобода от брака были полученными от Бога харизмами (23).

Стабильность, верность, ограничения

Когда умер муж моей подруги, она сказала, что больше не выйдет замуж — «для этого требуется слишком много усилий!». Она, конечно, шутила, и впоследствии, на самом деле, снова вышла замуж, но в ее шутке присутствует доля правды — брак действительно требует усилий, и если мы не вкладываемся в отношения, они умирают или превращаются в обязанность, которая страшила Кьеркегора (Гардинер, 2002 — 24). Я думаю, что мне полезны ограничения. Мне часто кажется, что я стала ткать из-за ограничений базового угла арпа над уном. Любое отклонение от него лишает ткань стабильного положения.

Бенедектинцы давали «обет стабильности». «Истинное счастье не обязательно искать где-то еще, кроме того ме-

ста, где мы находимся в настоящее время», — говорит Дом Колумбан Бир (Де Ваал, 1984 — 25). Бог не находится где-то еще. Просто учиться жить в настоящем моменте — одна из задач человеческой жизни, так что поиск возлюбленного на всю жизнь становится еще одной задачей. Метание из стороны в сторону в поисках совершенного партнера вряд ли принесет более обильный плод, чем принятие несовершенств выбранного вами партнера.

После того, как мы вернулись из долгого наземного путешествия в Израиль в 1967 году, люди говорили: «Это должно было быть великолепно», на что я нервно отвечала: «Да, но уехать от себя мне так и не удалось!» Потому что можно путешествовать на край света, но если вам не нравится быть с самим собой, вы ничего не приобретете. И наоборот, можно провести большую часть своей жизни с одним человеком и обрести целый мир.

Индивидуализм и духовная неверность

Джек Уоллис пишет: «Юнг считает, что полноценные, стабильные и продолжительные отношения в браке (или его эквиваленте) не только могут удовлетворять, обогащать и служить источником счастья». Он называет их «истинным и несомненным источником божественного, трансцендентальной силой, которая удаляет и поглощает все индивидуальное» (26).

Рост индивидуализма представляется прямым вызовом идеалу долговременного брака. Можем ли мы оставаться самими собой, позволять партнеру оставаться собой и при этом долгое время сохранять свой брак? Несмотря на то, что Юнг считает брак «истинным и несомненным опытом божественного», после смерти своей жены он чувствовал моральное обязательство стать самим собой (Сторр, 1973 — 27).

Я часто рассказываю историю о том, как в возрасте тридцати шести лет, после одиннадцати лет замужества я проснулась однажды утром и подумала: «Я такая же хорошая, как Роджер, или нет?». Звучит патетически, не так ли? Я выходила замуж, сознавая, что соединяюсь с кем-то, обладающим особым даром в глазах других людей, включая меня, кто пользуется доверием, чего я не могу сказать о себе. Да, компетентная, практичная, с хорошими способностями вести домашнее хозяйство, но я не обладаю теми дарами, которые признаю в Роджере. У меня ушло одиннадцать лет на то, чтобы увидеть, что нам обоим было нужно, чтобы я вложила какую-то энергию в распознавание своих собственных даров, помимо тех, которые напрямую связаны с семейной жизнью, и что для этого мне потребовалась определенная свобода. Иногда в наше время принимается как должное уход за детьми, совмещенный с карьерой и индивидуальными путешествиями обоих партнеров по общему для них маршруту.

Роджер и я с этим не согласны. Он чувствует, что стресс от попыток совмещать требующую самоотдачи карьеру с функцией основного воспитателя для четверых детей школьного возраста стал бы вредоносным как для детей, так и для работы. Я, будучи нераскаявшейся феминисткой, считаю, что и женщины, и мужчины должны иметь возможность работать, если им этого хочется. Но я понимаю, как это трудно, и в качестве бабушки и дедушки мы призваны помогать в их облегчении, поскольку все три наши дочери сочетают требующую усилий карьеру с воспитанием детей. Их мужья в большей степени, чем в свое время Роджер, вовлечены в уход за детьми.

Может представиться возможность для «полета» лишь одного из партнеров, и требуется приложить реальное усилие, чтобы полететь вместе, а без этого возникает опасность «духовной неверности». «Квакерская вера и практика» 22.49 утверждает: «Супружеская измена

необязательно бывает физической. Бывает умственная и духовная измена, которая способна нанести вред всем вовлеченным людям… если возникает ощущение исключения и ненужности, разрушается доверие, уважение и обещанные в браке чувства».

Путешествие души может привести к интенсивной дружбе с разными людьми. Возможно, женщины более подвержены обидам в этом вопросе, но и мужчин они задевают. Существует миф о том, что женатый мужчина ищет женщину помоложе, идеальную сексуальную партнершу для повышения его плодовитости, утраченной в заботах брака и воспитания детей. Товарищи по спортивному клубу создают иного рода отношения, но это может оказаться не в меньшей степени эксклюзивным через вовлеченность в общие с ними занятия и обмен глубочайшими переживаниями. Дружественная атмосфера раздевалки плавательного бассейна, джакузи и бара служит специфически мужской формой создания взаимосвязей. Женщины делятся на уровне души, но душевное общение через спорт привязывает не в меньшей степени. «А мы разве отпускали тебя так надолго?» — так приветствовали Роджера после четырех недель отсутствия на плавательной дорожке. Давайте не будем недооценивать узы таких объединяющих переживаний и возможность увядания брачной интимности из-за появления более подходящих для душевного взаимообмена отношений, в которых генерируется общая с кем-то энергия, что исключает партнера по браку из волнений, открытий и роста.

Роджер — распорядитель благотворительного фонда, выделяющего гранты в Эритрее, и он ездил туда много раз, иногда с друзьями из нашего окружения. Люди спрашивали меня, почему я не еду с ним, и я всегда отвечала, что он отправляется туда один или с кем-то, но не со своей женой. Мне больше нравится слушать рассказы об этом, чем ехать туда самой. Роджер, скорее всего, никогда не станет квакером, и его духовному путешествию требу-

ется иная обстановка, но он рад, что я нашла для себя свой маршрут. Мы должны развивать как интимность, так и индивидуализм, чтобы дать место открытиям и делиться ими.

Я спросила женщину-Друга, не жалеет ли она о том, что ходила на собрание со своим мужем, когда теперь он возвратился в свою прежнюю церковь. Она ответила: «Мы создали как пространство, так и единение между собой, поэтому теперь мы можем действовать по отдельности». И указала мне на строки из «Пророка» Халиля Джебрана:

Но пусть будут свободные пространства
в вашем единении.
И пусть ветры небес танцуют между вами.
(перевод Игоря Зотикова)

Если мы хотим сделать брачные отношения вырабатывающим энергию двигателем нашей жизни, то некоторое количество топлива будет поступать и от общения с другими людьми, но все окажется в том же самом горниле.

Взаимность, безусловность, интимность

В детстве мы с подружками бесконечно обсуждали, за кого бы мы вышли замуж. Предполагаемый жених опустился бы на одно колено и спросил: «Ты выйдешь за меня замуж?», на что я в своих мечтах отвечала: «Да, если в твоей семье были близнецы». На самом деле, мы прятались от снежной бури под кустами у Ривелинской плотины около Шеффилда. Это было в мае 1957 года, в семье Роджера не было близнецов, и семейная легенда гласит, что он составил список областей, где мне предстояло совершенствоваться, который мы обсуждали у здания бань на Глоссоп-Роуд. Роджер был прав — мне нужно было из-

мениться. Конечно, я считала его совершенным! Это не было проявлением безусловности.

Моя любимая военная история произошла с друзьями, которые были капелланом и секретарем Джеффри Фишера, архиепископа Кентерберийского. Архиепископ застал Майкла вращающим ручку швейной машинки Анны и сказал: «У нас здесь так нельзя. Вам лучше пожениться». Они так и сделали. Проявления интимности последовали за этим!

Что входит в строительство отношений личной интимности, основанных на доверии? Это дело времени и постоянства, обсуждение опыта, вкусов и надежд на будущее, — говорит Ролло Мэй. Он считает порождаемое близкими отношениями беспокойство серьезной проблемой нашего времени. Делиться своими сокровенными переживаниями с другим человеком, а потом продолжать жить с ними день за днем (28).

Мы рискуем смертельно наскучить друг другу, особенно, когда стареем. Все те же истории, те же мнения ведут к искушению перестать их, в действительности, слушать и не уделять первостепенное значение тому, чтобы побыть вместе. Мои родители всегда садились вечером и за джином с тоником рассказывали друг другу, каким был день у каждого из них. Мне кажется, что это хороший пример, но ему трудно было следовать, когда мы растили детей и много работали. К тому же никто из нас не любит джин! Один из видов помощи, которую мои дети оказывают друг другу — это приглашать племянников погостить на выходные. Таким образом у родительской пары появляется время побыть наедине и без детей, и так создается привычка интимности.

Приготовление ингредиентов

Когда мы писали это, молодые друзья говорили: «Людям захочется узнать, как вы готовились к браку», и «что необходимо для сохранения долговременных отношений?».

Рассуждая о своей подготовке к браку, мы не можем привести много исторических свидетельств. У меня до сих пор хранится письмо, в котором Роджер разработал дизайн нашей кровати и заказал ее. Кровать уникальна, и мы до сих пор спим на ней, так что это стоило тщательного планирования.

С нами провел обычную в таких случаях беседу наш друг Тед Уикэм, который руководил бракосочетанием. Единственное, что я помню из этой беседы — то, как он, широко улыбаясь, рассказал нам, как переставить шланг на пылесосе, чтобы вдувать листву в соседский сад. Полезная информация для полной деревьев окраины Шеффилда, где мы только что купили свой первый дом. Моя мать не давала мне никаких советов, поскольку у нее не было привычки давать советы. Поэтому все, что я знала о ведении хозяйства, было получено из наблюдений, а также из одного семестра в «завершении школы», где мы учились основам приготовления пищи и сшили сами комплект нижнего белья — французские панталоны с отделанным вручную зубчатым краем. Вслух об этом не говорили, но предполагалось, что они будут частью нашего приданного. И, конечно же, мы учились штопать и латать — ныне утраченное мастерство. Каким неуместным это кажется в 2006 году, непригодным ни для чего, кроме социальной истории, но задаваемые выше вопросы показывают, что мы двигались от предположения о том, что брак заключается на всю жизнь, к попыткам предсказать, будет ли это так, и что мы можем сделать для сохранения брака.

Когда я выходила замуж, от меня ожидалось ведение

домашнего хозяйства; и я не вышла бы замуж, если бы собиралась делать карьеру. Так рассуждали почти все мои сверстницы. «Квакерская вера и практика» 22.34 предполагает, что мы должны «обрести небесную обитель через наш брак», но я чувствовала себя абсолютно неспособной к этому, и мне казалось, что я должна себя перестроить, чтобы стать достойной такого предприятия. Думаю, что я просто намеренно закрывала глаза в надежде, что все образуется, но мне предстоял крутой вираж обучения. К счастью, я была окружена теми, кто также учился, и у меня были наставлявшие меня учителя старшего возраста. Итак, вероятно, нам не следует воздерживаться от неформальных наставлений, и не только когда что-то идет не так, как говорит Роджер: «Потом бывает слишком поздно!». Но отвечая более вдумчиво на вопрос: «Как вам это удалось?», я должна попытаться перевести описание того, что мы делали в совершенно других обстоятельствах, на язык, понятный в сегодняшнем мире, а не чувствовать, вместо этого, что мы — реликты из прошлого, которые сейчас уже не рождаются. Книга Эриха Фромма «Искусство любить» (1957 г.) содержит истины, которые остаются неизменными всегда, но обществу нужно поддерживать эти истины, именно здесь мы можем постараться произвести изменения.

Мы рассчитывали пожениться на всю жизнь и быстро поняли, что это плавание не будет простым. Мы знаем, что сегодня не все пары планируют заводить детей, и никто не обязан их заводить, для нас же появление детей стало серьезным испытанием. Невозможно преувеличить значение взаимопомощи, которой мы обменивались со своими друзьями-сверстниками в наши молодые годы. Все женщины сидели дома, и у всех у них были мужья, полностью погруженные в свою работу, почти не оставляющую свободного времени в повседневной жизни, так что мы — молодые жены и матери — помогали друг дружке.

Хотя рост индивидуализма считается одной из главных

причин, по которым современный брак находится в таком плачевном состоянии, концепция открытия себя и движение личностного развития совпали с нашим переходом из состояния максимально возможной поддержки и дружбы на всю жизнь, в котором мы пребывали в Шеффилде, к тому положению, где я почти никого не знала, в Нортгемптоне. Поэтому я решила самостоятельно изучать, как я устроена, испытывая при этом смутное ощущение, что должна найти источник своей жизни. Неожиданно, этот поиск показал мне, что одним из главных ингредиентов долговременных отношений является способность быть в одиночестве и ценить себя. Брак — не панацея от одиночества. А создание семьи, чтобы не оставаться одному, может стать ловушкой для обоих партнеров. Я не столько восстанавливала себя, что означало бы полное разрушение системы и новое строительство, сколько смотрела на все новым взглядом и переходила от того, где я находилась, к тому, что было, как я надеялась, преимуществом для нас обоих.

Синергия

> *Брак — нечто большее, чем мы. Это призвание, в которое нас привлекает природа и Бог.*
>
> *«Квакерская вера и практика» 22.41*

> *Связующее дело жизни на тверди земной, в котором неотвратимо осознается отличие другого…*
>
> *Мартин Бубер 1947 (29)*

Сидя в нашей любимой таверне, мы обдумывали, как нам следует ответить на предложение комитета Сворт-

морских лекций написать на тему «Долгого брака». Мы чувствовали, что могли бы сделать это, только лишь показав, как слияние двух таких разных личностей, сотрудничающих в браке, оказалось более продуктивным, чем сумма наших индивидуальных усилий. Мы подбирали слово, чтобы это выразить, и, заметив человека в футболке с надписью «Кембриджский университет», посоветовались с ним. Он не знал ответ, но его жена знала… «Синергия» и, соответственно, в Восточной православной церкви учение о том, что Бог и человек сотрудничают в милости и свободе… синергизм.

В начале нашего совместного проекта я проходила через Национальную портретную галерею, и мой взгляд упал на портрет пожилого мужчины и женщины, которые отстраненно смотрели вдаль. Картина называлась «Пожилая пара» и была написана Яном Госсаэртом, и я сказала своему спутнику: «А что, если мы закончим в таком же состоянии? Тогда это и не стоило труда». Можно ли надеяться, что мы выглядим более вовлеченными в наших отношениях?

Мы утверждаем, что отношения на всю жизнь — лучшие рамки для обучения «Искусству любви», как Эрих Фромм озаглавил свою популярную книгу. В любящих взаимоотношениях мы учимся преодолевать нашу естественную склонность видеть мир и других, концентрируясь при этом лишь на себе, так что мы можем научиться заботиться о них и уважать их, одновременно учась любить самих себя и заботиться о себе. Как предлагает Мэри Грей: «уходя от живых примеров „самодостаточного Я“ современности и воссоздавая отношения и взаимосвязь» (30).

В южноафриканском языке кхоса есть красивое слово, которое любил Нельсон Мандела — «убунту» (человечность). «Я есть то, чем я являюсь, потому что я существую в отношениях с тобой». В начале XXI столетия брак стал контрактом между отдельными людьми и больше не считается способом, за счет которого сообщества обновляют

себя через создание новой жизни и новой жизненной энергии. В противовес этому нам нужна вера в то, что созданная внутри брака синергия будет выливаться в ми, и что в Боге мы обретем силу для строительства правильных отношений.

4. Брак — Роджер

Катализаторы? Как мы будем жить?

Мы поженились 14 сентября 1957 года в местной церкви в Литтл Эстоне около Бирмингема, где жили родители Сюзан. За несколько недель до этого мы купили большой викторианский дом в Шеффилде и устроили там вечеринку для тех наших друзей, которые не смогли приехать на бракосочетание. Мы не жили вместе до того, как поженились, это было бы скандалом для среднего класса в Шеффилде того времени, и даже вечеринка в нашем будущем доме была расценена как не совсем подобающая. Мы заказали доставку клубники и шампанского с континента, но это не было буйным пиршеством с выпивкой или другими излишествами.

Мы оба были активистами церковных организаций, так что организовалось явно христианское венчание. Наш друг и наставник Тед Уикам поженил нас[1], ему помогал другой наш приятель, Раймонд Бейли — давний член Общины Айоны. Тогда у нас не было никакого представления о том, что радикальные подходы к организации производства или общинной жизни станут важными заботами нашей совместной жизни. Возможно, у Теда такое представление было, поскольку он отказывался читать нам проповеди о том, что пренебрежительно характеризовал как «любовь-морковь», но вместо этого побуждал нас быть «катализаторами», избрав слово, используемое в сталелитейной химии для обозначения субстанции, которая вызывает перемены, но не поглощается и не ослабляется ими.

---

[1] Э. Р. Уикам — глава Шеффилдской индустриальной миссии 1944—1959 гг., епископ Миддлтона 1959—1982 гг.

Слово «катализатор» с тех пор оставалось с нами, особенно когда мы бывали ошеломлены переменами, происходившими вокруг нас, как дома, так и на работе.

Верные отношения на всю жизнь

Существуют важные слова, но что они значат в нашем контексте? Что такое верность при отсутствии юридических обязательств и как мы определяем любовные отношения, кроме как путем исключения из их числа браков по расчету, в которые вступают беженцы, представители монарших династий или богатые люди, заботящиеся о наследстве? И мы намеренно используем выражение «на всю жизнь» вместо «долговременный» или «постоянный», потому что в нашем повествовании брак считается пожизненным обязательством, «пока смерть не разлучит нас».

Конечно, мы признаем, что расставание и развод — широко распространенные явления, и считаем, что иногда они бывают оправданы как лучшая из двух плохих альтернатив. Наш сын развелся, но все три наши дочери состоят в браке, согласно нашему определению. Наши ближайшие соседи расстались после восемнадцати лет совместной жизни, и нам кое-что известно о том, сколько боли причиняют разорванные отношения и нарушенные обещания. Тем не менее, мы решили использование слова «брак» в отношении тех, кто имеет искреннее намерение прожить вместе всю жизнь, а не «просто посмотреть, что из этого выйдет».

Итак, что такое «любовь» в контексте брака, и что подразумевают любовные отношения? Множество книг, поэтические сборники, бесчисленные пьесы были созданы как ответ на этот жизненный, но неоднозначный вопрос. Например, Павел, апостол язычников, в своем послание молодой церкви в Коринфе в начале 50-х годов нашей эры

написал восхитительную главу о любви, где говорится о трудности выражения любви словами:

> Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая… Любовь долготерпит… все переносит. Любовь никогда не перестает…
>
> *1 Кор 13:1 и далее*

Через тысячу лет после этого Шекспир несколько раз пытался определить любовь, возможно, в более приземленном и менее эфирном смысле, чем это делал Павел:

> *Не допускаю я преград слиянью*
> *Двух верных душ! Любовь не есть любовь,*
> *Когда она при каждом колебанье*
> *То исчезает, то приходит вновь.*
> *О нет! Она незыблемый маяк…*
>
> *Сонет 116 (в переводе Модеста Чайковского)*

Ясно, что ни апостол, ни поэт не имеют в виду описание кратковременных отношений, которые легко прекратить. Эти двое — из числа самых влиятельных авторов своего времени — описывают долговременные отношения, в которых любовь «никогда не перестает» и «долготерпит», «она звезда, и моряку сквозь мрак блестит с высот». И мы можем считать обоих, своими союзниками в нашем отношении к браку, как к долговременному обещанию.

Рискуя показаться удручающе неадекватными и безнадежно непонятыми, мы предлагаем следующие цели создания семьи. Они — не более чем признаки, не предназначенные для исчерпывающего определения, и мы часто отходим от них, но при этом надеемся, что они указывают в правильном для нас направлении. Нашим читателям, возможно, захочется добавить к ним что-то или что-то удалить, исходя из их собственного опыта.

Какими же характеристиками обладают отношения

на всю жизнь?

— Они надежны. В браке присутствует ощущение того, что мы передаем друг другу свою жизнь на безопасное хранение. Каждый из нас становится ответственным не только за свою собственную жизнь, но также и за жизнь своего партнера. Мы поддерживаем друг друга эмоционально и защищаем друг друга от опасностей, которые могут нас подстерегать.

— В них присутствует доверие, это надежное место, в котором можно делиться опытом и чувствами, доверять друг другу, сознавая, что мы не поделились бы этим ни с кем другим, даже лучшим другом или ближайшим родственником.

— Сексуальное влечение, желание «заниматься любовью», а не просто «сексом».

— Прощение, стремление не держать зла друг на друга, не мстить.

— В браке, основанном на общей вере, это означает совместную молитву.

— Доверие друг другу в финансовых вопросах, внесение всех доходов в общий семейный фонд, а не в отдельные индивидуальные фонды, и завещание друг другу всего, чем владеет каждый из нас.

— Забота друг о друге во время болезни — приготовление пищи, уборка, ежедневный уход предоставляются ослабевшему, ранимому, хрупкому и находящемуся на грани депрессии.

Критики брака? — Апостол Павел и Джордж Фокс

Собирая доводы в пользу брака, мы, как состоящие в долговременных отношениях супруги, должны также рассмотреть аргументы противников семейной жизни.

Нас отчасти испугало, насколько они многочисленны и сильны. Например, апостол Павел, как бы мы к нему ни относились, стал одним из самых влиятельных учителей последних двух тысячелетий, и в самых широких кругах христиан и ищущих во всем мире продолжается чтение написанные им Деяний, а также посланий молодым церквям. В своем Первом послании коринфянам он посвящает браку целую главу и при первом прочтении кажется, что он настроен против брака, так что читатели Библии часто считают его моралистом. Тем, кто не состоит в браке, он советует оставаться безбрачными и жить в одиночестве, как и он сам. Вдовам лучше всего не выходить снова замуж (1 Кор 7:8—9). Тем не менее, при внимательном рассмотрении в контексте всей главы его кажется, что он рассуждает с реалистических позиций, поскольку вместе со многими другими ранними христианами Павел верил, что мир, который они знали, скоро закончится, Иисус вернется, и настанет Царство Божье.

Хотя он был неправ в отношении сроков и, наверное, удивился бы, узнав, что тот же самый мир пережил 2006 год, всегда находились люди, предсказывавшие конец света в надписях «ПРИГОТОВЬСЯ ВСТРЕТИТЬ СВОЙ УДЕЛ» или же после таких катастроф, как извержение Кракатоа в 1883 году, ставшее самым разрушительным событием в зафиксированной истории. Итак, в эсхатологическом настроении своего времени Павел советует коринфянам сосредоточить их деятельность на ожидаемых и предсказанных катаклизмах второго Пришествия, и не отвлекаться на материалистические проблемы и мирские отношения, подобные браку.

Однако затем он немного смягчает критику своей часто цитируемой и нередко неверно толкуемой фразой «лучше жениться, чем распаляться страстями». Пылкость разрушительна, и Павел считает, что невостребованная страсть может быть разрушительной, а значит, с целью избежать риска «разрушиться» в одиночестве, лучше вы-

брать второй из вариант и жениться. Ухмыльнись и терпи! Но помните, что Павел не проповедовал, но отвечал в письме на конкретные вопросы, заданные ему новообращенными христианами из Коринфа, чьи жизни были полностью изменены религиозным обращением.

Павел затем цитирует Иисуса — по недавним воспоминаниям, поскольку он пишет через двадцать лет после распятия. Иисус говорил, что вступившие в брак не должны разводиться, а если разведутся, то им не следует вступать в повторный брак (Мф 19:9). Здесь снова Павел пишет в ожидании конца света, и если бы он жил сегодня, то, вероятно, согласился бы с нами в том, что безнадежно несчастливым семейным парам не следует продолжать свои разрушительные отношения. Он пишет о тех, кто женится: «Но таковые будут иметь скорби по плоти; а мне вас жаль» (1 Кор 7:28). Звучит не особенно вдохновляюще для новобрачных, но Павел знает, что в его время проблемы в браке могли иметь разрушительные последствия, потому что брак воспринимался очень серьезно. По закону Моисея наказанием за измену могла стать смерть.

Именно Иисус предложил совершенно противоположный подход. «Взятую в прелюбодеянии» женщину забили бы камнями, если бы не Иисус не вмешался после периода молчания, со своим разоблачительным комментарием, «кто из вас без греха, первый брось на нее камень» (Ин 8:4—7). Не удивительно, что он был настолько непопулярен среди фарисеев, которые намеревались соблюдать закон. Обвинение в ереси не так легко доказать, как прелюбодеяние, но Иисус явно считал их одинаково греховными.

Павел оставался в безбрачии, потому что обладал даром писателя и путешествующего проповедника, который знал, что рискует попасть в тюрьму, и действительно несколько раз подвергался заключению. У него была смелость защищать свои убеждения, но жизнь, подобная той, которую вел он, не казалась подходящей для жены, которой пришлось бы самой зарабатывать на жизнь, пока ее

муж томится в темнице на расстоянии многих миль.

Такое осторожное отношение отражено в «Книги общих молитв» (1662 г.) в церемонии бракосочетания, которую прошли миллионы людей, и которую многие проходят до сих пор, несмотря на появление более современных текстов литургии бракосочетания. В молитве на богослужении утверждается, что в брак не следует вступать необдуманно, легкомысленно или безрассудно, и даже, в качестве назидания тем, кто радостно готовится к бракосочетанию, нам сообщают, что он брак был учрежден «во избежание блуда» среди «тех, кто не обладает даром воздержания». Здесь можно прийти к выводу, что обладающим даром воздержания лучше вовсе не вступать в брак. Весьма вероятно, что авторы такого серьезного наставления не вступали в брак и старались как-то обосновать безбрачие.

Через тысячу шестьсот лет после Павла Джордж Фокс — другой влиятельный писатель и странствующий проповедник — говорит: «Ибо правильное соединение в браке — это дело одного только Господа, а не священников и чиновников... ибо мы никого не женим; это дело Господа, а мы — лишь свидетели» («Квакерская вера и практика» 16.01). Глава 16 «Квакерской веры и практики» посвящает двадцать девять страниц и пятьдесят шесть параграфов браку, что показывает важность, придаваемую этому вопросу квакерами на протяжении многих лет. Следующая глава, посвященная квакерским похоронам занимает только восемь страниц.

Фокс объявил, что брак должен быть духовным союзом, а не просто мирским юридическим контрактом, и что существуют ограничения, предписывающие Друзьям создание семьи «внутри Общества», исключительно между двумя Друзьями, чтобы соблюдать свидетельства. Такое ограничение, видимо, заставило Общество стать довольно замкнутым, и эта ситуация сохранялась вплоть до 1859 года — двести лет со времени его образования. Поэтому сегодня брак «вне Общества» не становится при-

чиной исключения из Общества супруга-квакера. Некоторые спорят о том, что это привело к ослаблению квакерской веры и практики, потому что «внешние супруги» уводят своих «партнеров-квакеров» от бескомпромиссной христоцентричной веры Фокса, иногда — к тому, что называется «универсалистской» позицией.[1]

Брачные обязательства

Во времена нашей свадьбы предполагалось, что, вступив в брак — особенно если это происходит в церкви — супруги остаются в нем и справляются с трудностями, которые могут возникнуть.

Мы не были наивны, нам было тридцать и двадцать пять лет, мы уже попутешествовали, и у нас было много друзей, состоящих в браке. Мы знали, что навязываемая глянцевыми журналами картинка семейной идиллии, социальной стабильности и совершенной организации званых обедов не отражает того стиля жизни, к которому мы стремились. Наши представления относились к более низкому социальному уровню, который был нам по силам. В 1957 году мы знали всего лишь несколько человек, которые разъехались или разошлись со своими супругами,

---

[1] Универсализм — слово с двояким значением. В общепринятой христианской теологии он определяется как «доктрина, согласно которой все человечество будет со временем спасено,» — Оксфордский словарь. Тем не менее, в течение прошлого столетия Друзья стали применять термин «универсалист» для обозначения тех людей, которые следуют другими духовными путями, нежели христианский. В этом более позднем значении многие христиане считают себя универсалистами, а некоторые Друзья, причисляющие себя к универсалистам, также являются христианами, поскольку принимают божественность Христа. См. «Квакерскую веру и практику» 27.04.

и нам казалось пугающим то, что они смогли нарушить свои брачные обязательства. Определенно, мы не сомневались в том, что наш брак заключен на всю жизнь, и мы с радостью дали обеты любви и верности в церкви в присутствии множества свидетелей, семьи и друзей. Если бы мы тогда знали квакерскую практику, то, несомненно, попросили бы всех присутствующих подписать прекрасно оформленный брачный сертификат — символ и напоминание об этом знаменательном событии. Он занял бы почетное место в рамке на стене нашей гостиной.

Мы не помним каких-либо сомнений при произнесении «в хорошем и в плохом, пока смерть не разлучит нас». Сюзан несколько сомневалась в том, чтобы обещать «повиновение», но позволила Теду Уикаму, который придерживался более традиционных взглядов на брак, переубедить себя. Сегодня ему было бы намного труднее уговорить ее!

Ни один из нас не предполагал, что наш брак можно отменить, если он станет неудобен. Чье-то расставание или развод обсуждались шепотом и считались постыдным провалом. Наша совместная жизнь была полна радости, но было бы лицемерием утверждать, что она являла собой непрерывное блаженство, и обеты верности помогают справляться с противоречиями. Основополагающее соглашение о том, что мы не уйдем из отношений, дает свободу, а не становится тюрьмой или зависимостью. Для принятия решения в ситуации разногласия может быть использовано несколько вариантов, но среди них не будет расставания. Хотя никто из нас не читал этого, вступая в брак, мы бы согласились тогда, и до сих пор единодушно согласны с пунктом 23 «Советов и вопросов»: «Вступление в брак всегда рассматривалась Друзьями скорее как религиозное обязательство, чем как мирское соглашение».

Такой позиции придерживались многие в 1957 году, как в Обществе Друзей, так и за его пределами,

но на протяжении тех пятидесяти лет, которые мы рассматриваем, произошло культурное изменение, и теперь, если отношения становятся трудными, из них можно выйти, не испытывая чрезмерного чувства вины или стыда. Расставание больше не считается чем-то необычным, и прежняя стигма уже не становится следствием нарушения брачных обетов, хотя я подозреваю, что такое отношение иногда передается бойкими писателями и ораторами с определенными целями, и оно не может представлять позицию молчаливого большинства. Комикс Пози Симмондс «Зачем вступать в брак?» ясно показывает, какие огромные изменения произошли в культуре брака в период нашей совместной жизни. То, чего мы ожидали в 1957 году, разительно отличается от ожиданий тех, кто вступает в брак сейчас, в XXI веке. Сегодняшние многосерийные браки приобрели популярность в США, и возможно их распространение и в Великобритании. Мы знаем о нескольких квакерских браках, которые не продлились долго и стали причиной великого несчастья, и нас удивляет то, что квакеры, придающие такое большое значение правде и предпочитающие утверждение «клятвам на Библии» в суде, могут так скоро отказываться от своих брачных обетов (см. «Советы и вопросы», п. 25).

Культурные изменения вызваны несколькими причинами, которые нетрудно определить. Они включают недавно обретенную одинокими женщинами возможность самим зарабатывать себе на жизнь, возрастающую надежность контроля рождаемости и культ индивидуализма в противовес взаимозависимости. Развитие этих направлений, ставшее предметом бесконечных обсуждений, привело к принятию законодательных положений, в которые людям старшего поколения трудно даже поверить, не говоря уж о практическом их применении. Например, предварительный развод можно теперь получить в интернете. Компьютерно грамотные люди могут предварительно

выйти из брака, нажав несколько клавиш, избегая, таким образом, расходов и возможных возражений в бракоразводном процессе (см. статью Мэри Ридделл «Увидимся в суде» — 31). Подобные изменения могут оказаться полезными, если они снизят количество несчастных браков, в которых один или оба супруга, особенно женщины, чувствуют себя пойманными в ловушку и неспособными вырваться из нее из-за проблем материального обеспечения или морального давления со стороны друзей, коллег и семьи. Там, где близится или уже наступил полный крах, расставание определенно не более аморально, чем безрадостное и истощающее лицемерие совместного проживания в браке, который уже разрушен, но маскируется попытками сохранения его видимости.

Тем не менее, мы должны избегать обесценивания брака. Горестные переживания и ощущение провала практически неизбежны при расставании, и культурные перемены вносят нездоровый компонент, если они поощряют семейные пары уклоняться от вступления в брак из-за риска его неудачи или избегать давать брачные обеты, или, что еще хуже, предполагать, что не стоит вовсе заботиться о каких-либо обязательствах.

Брак и деньги

Некоторые люди с удовольствием обсуждают личные доходы и их распределение, другие считают это неудобным и даже не приемлемым — одним из последних оставшихся табу — так что подобных обсуждений стараются избежать любой ценой. Всем нам нужны деньги, поэтому, говорим мы об этом или нет, но то, как мы их тратим, становится внешним и видимым знаком наших приоритетов, заметных как для тех, кто нас окружает, так и для нас самих. В этом смысле, деньги обладают важной функцией

подтверждения нашей честности или выявления нашего лицемерия. В нескольких случаях Иисус осуждает лицемерие и считает его серьезным прегрешением, сравнимым с более явными грехами, такими как обман или прелюбодеяние. Он подвергает сомнению решение побить камнями женщину, пойманную в прелюбодеянии, и обращает свое самое серьезное обличение на лицемерие фарисеев. «Горе вам, — говорит он, — что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты» (Мф 23:27).

Что касается правильного использования денег, то мы замечаем, с некоторой тревогой, что те, кто подобно нам, проповедует благотворительность, не обязательно более щедры в своих пожертвованиях, нежели те, кто мало говорит, но дает больше. Деньги — беспощадный показатель того, что мы считаем важным, и это включает оплату получаемых нами услуг — как обязательных для погашения счетов за топливо, так и излишеств вроде покупки цветов для своих любимых.

Деньги также служат мерилом наших отношений с другими людьми, разумеется, включая наши брачные отношения. То, как мы обращаемся с деньгами в совместной жизни, усиливает или ослабляет преданные отношения, к которым мы стремимся. Итак, что мы можем сказать? В качестве выражения нашего взаимного доверия, мы вносим свои доходы, вне зависимости от их источника, в общий котел, а затем сообща решаем, что с ним делать. На первый взгляд это ничем не отличается от системы, в которой каждый из нас обладал бы своим собственным банковским счетом, и мы решали бы, кто за что платит, но между этими двумя положениями есть реальное философское отличие, и оно имеет большое значение. С тех пор, как устанавливается принцип совместного владения деньгами в общем кошельке, мы отказываемся от личного права на них и уже не можем вернуть его себе. «Мой заработок» или «твои транспортные расходы» становятся «на-

шим доходом», который полностью поступает на общий банковский счет. Это кажется само собой разумеющимся, но мы были удивлены, прочитав в «Гардиан» статистическое исследование под названием «Ничто не свято в любви и банковских выписках» (5 апреля 2005 г.), которое свидетельствует о том, что «состоящие в отношениях люди» не считают важным делиться друг с другом информацией о своих финансах, не говоря уже о том, чтобы иметь общих банковский счет. Комментарий к исследованию: «Существует растущий потенциал основывать отношения на недостаточном доверии. Люди могут быть финансово привязаны друг к другу, не будучи осведомлены о финансовом положении партнера».

На протяжении пятидесяти лет нашего брака наше финансовое положение претерпело значительные изменения. В ранние годы я был основным добытчиком, получавшим щедрое жалование в стальной индустрии, что позволило нам купить свой первый дом без кредитов, у каждого из нас был автомобиль, а на каникулы мы отправлялись в автофургоне. Сюзан прервала свою деятельность в качестве трудотерапевта и вскоре оказалась полностью погружена в воспитание детей — обычная практика в те времена, когда работающие жены были скорее исключением, чем правилом. Этот материалистический «мир мечты» продолжающейся финансовой безопасности забавным образом пошатнулся, когда мне предложили занять ключевую позицию в качестве исполнительного директора «Спир и Джексон» — должность, которой я добивался пятнадцать лет. Я ответил на предложение Совета директоров, сказав, что согласен и буду с радостью выполнять эту работу, но перед тем, как занять руководящую должность, мне хотелось бы заручиться их поддержкой в том, чтобы вывести компанию из патерналистского стиля управления и предложить процедуры вовлечения большего числа людей на всех уровнях в процесс принятия решений. Подобные идеи были радикальными и казались спорными в то

время, и для меня стало бы богоданной возможностью применение на практике тех идей, которые много лет крутились в моей голове. Мои коллеги, включая председателя Совета, сказали «нет», это было бы слишком рискованно, и они не видели достаточно смысла в изменении стиля руководства, который обеспечивал процветание компании на протяжении двухсот лет.[1] Рассерженный и раздосадованный, я подал заявление об уходе, не имея ни малейшего представления о том, чем займусь, а у нас было четверо маленьких детей.

Оглядываясь назад, можно ли сказать, что это был риск под водительством свыше, потому что нам начали открываться неведомые ранее пути? Мы решили отправиться путешествовать — все шестеро в нашем автофургоне наземным транспортом до Израиля — не только чтобы осуществить свою давнюю мечту о посещении Святой Земли, но также и с целью пожить в кибуце. Когда мы приехали, после трех месяцев путешествия со многими дорожными приключениями, меня пригласили работать в кибуце на фабрике, производящей инженерные инструменты. Здесь я впервые встретился с демократичной структурой кооперативной деятельности и, вернувшись в Британию, стал искать похожую возможность, занявшись исследованием компаний, действующих по схемам коллективного принятия решений.[2] Это исследование привело меня в Уолластон около Нортгемптона, где находившаяся под сильным квакерским влиянием химическая компания «Скотт Бэйдер» предлагала лизинг старой обув-

---

[1] Через какое-то время, компания «Спир и Джексон», основанная в 1760 году, столкнулась с финансовыми трудностями в 1980-х и подверглась унижению, сперва оказавшись поглощенной конкурентом — шеффилдским производителем стальных инструментов, а затем, что было ужаснее всего — безликим коммерческим банком.

[2] *Наше общее промышленное будущее* [Индустриальное общество, 1968], при поддержке Колледжа Уильяма Темпла в Рагби.

ной фабрики, в качестве возможности развивать новый управляемый работниками бизнес. Это была хорошая возможность, так что в 1968 году мы переехали в Нортгемптон, и я по полной вовлекся в торговую деятельность ООО «Трилон», получая значительно меньшую зарплату, размер которой определяла рабочая группа. Сюзан вернулась к оплачиваемой трудовой деятельности, когда все дети достигли школьного возраста.

Прибыв в Нортгемптон, мы поменяли наши три машины на небольшой зеленый фургон и переехали из вместительного викторианского дома в более компактный домишко, а в то же самое время многие наши друзья переезжали в дома из нескольких этажей. Мы никогда не чувствовали себя ущемленными недостатком финансов, потому что не слишком много тратили, но, разумеется, дети жаловались на то, что у них меньше карманных денег, «чем у всех». «Почему ты не работаешь поверенным или врачом, или в руководстве банка, папа, как отцы большинства моих друзей? Это так стыдно». Нам также пришлось сменить социальный статус, поскольку мы переехали из большого города, где нас знали и были рады принимать — в город, где мы ни с кем не были знакомы, и где к вновь прибывшим относились с некоторым подозрением. Роджера, как магистрата Шеффилда, перевели в Нортгемптонское отделение, но там были сомнения относительно приема «молодого чужака», который доже не был землевладельцем или отставным полковником. Роджер также был Фриманом в компании «Катлерс», древнем и влиятельном предприятии сталепроизводственной индустрии, где он со временем стал бы Мастером, и в Шеффилде он занимал ведущую позицию в лучшем клубе крикета и сквоша, одним из основателей которого был некогда его отец.

Многие жены наслаждались бы таким социальным окружением и возможностями, которые оно предоставляло, но Сюзан не стремилась к подобному общению. Ей

не хотелось быть Мадам Катлер и открывать церковные ярмарки, а ее идеи в большей степени касались того рода социальной деятельности, которая была мотивирована как ее дедушкой в Дерби, так и ее отцом во времена его членства в Парламенте от лейбористов. В Нортгемптоне она не участвовала в местной общественной жизни — у нее было четверо детей и постоянно занятый на работе муж. И это даже не была работа, сразу приносящая большой доход или вознаграждения, которые часто достаются обычным предпринимателям.

После нашего переезда в 1968 году мы оба проработали около двадцати пяти лет, вплоть до выхода на пенсию, которую получали от государства, но не от предприятий, где мы трудились. В Шеффилде мы могли себе позволить откладывать что-то себе на старость, и не так давно эти сбережения стали огромным подспорьем для нас, но в Нортгемптоне не было возможности что-либо откладывать. Приблизительно тогда же родители Роджера оставили нам небольшое наследство, а наследство побольше досталось нам от родителей Сюзан позже, хотя к тому времени дети выросли и наши расходы сократились. Оглядываясь назад, мы сознаем, что бывали времена, когда наши расходы годами превышали доходы, и нам приходилось тратить свои сбережения, чтобы свести концы с концами, но мы никогда не влезали в долги и не завидовали богатству.

В более позднее время, оказавшись под влиянием квакерского свидетельства простоты и бережливости, мы старались следовать правильному порядку расходования средств вне какой-либо зависимости от полученных доходов или их отсутствия. Побочным следствием этого намеренного разрыва связи между доходами и расходами, стало количество времени, которое Роджеру приходилось проводить, занимаясь числами и планируя наше финансовое будущее. Мы были склонны скорее к старомодной скупости, нежели расточительности, и нам теперь понятно,

что мы отчасти унаследовали это от своих родителей, трое из которых в молодости пережили времена настоящей бедности. Отец Сюзан был единственным из четверых, у кого не было проблем с деньгами.

Мы принимали решения, которые могли показаться признаком скупости нашим ровесникам и, конечно, нашим детям, которые утверждали, что им редко разрешается купить мороженое даже в праздник. Позже мы несколько смягчились, усвоив кое-что из опыта Джека Беллерби — нашего престарелого друга, который был одаренным молодым профессором экономики Ливерпульского университета в 1930-х годах, но затем решил, что его христианское призвание состоит в том, чтобы отказаться от блесток и призов академической карьеры, оставить профессорскую деятельность и жить на средний заработок того времени — около 2 фунтов стерлингов в неделю — в полуразрушенном домике в Корнуолле. Проведя там несколько лет, он отказался от своей затеи не из-за чисто материальных ограничений, но потому что у него не было возможности покупать книги, навещать друзей или ходить в театр, что привело его на грань депрессии и сделало для него невозможным находиться там «для других». Существование на грани выживания забирало всю его энергию, как умственную и духовную, так и физическую. Джек рассказал нам об этом тридцать лет спустя, и, научившись на основе его опыта, мы стали смелее тратить деньги на поддержание дружбы, путешествия и отдых, чтобы избегать эмлционального выгорания. Это означало не «жизнь ради отпуска», но постоянный поиск равновесия между работой и отдыхом, тонкий баланс, который так легко нарушить в ту или другую сторону. Любовь к деньгам вполне может быть причиной всякого зла, но, если к ним не привязываться, достаточное количество денег может также служить средством достижения радости и благополучия.

При любых разнообразных изменениях финансовых

обстоятельств, мы вносили все свои доходы на общий банковский счет, из которого могли расплачиваться, выписывая чеки, независимо друг от друга. Впрочем, было одно исключение, так что все не так идеально. Любимая тетушка Сюзан оставила ей небольшое наследство, поместив его на отдельный счет «для роскошеств в память о тетушке Кэтрин», который Сюзан называла своим «фондом на случай бегства», хотя дальше Кру она бы на это не доехала. Так у Сюзан оказалось немного денег, для распоряжения которыми ей не было нужно обоюдное согласие. Когда наследство было потрачено, мы закрыли этот счет и продолжали использовать только наш общий счет. Зато теперь у нас есть много дисков для прослушивания.

Дети

Если дети появляются в браке, который начинался обетами или без них, то стабильные отношения между родителями помогают обеспечить безопасное окружение для воспитания детей и формирования их взглядов на жизнь.

Наши дети и внуки служили для нас постоянным источником радости, и любые жалобы на возникавшие трудности следует рассматривать в более широком контексте оставшейся вместе семьи. В момент написания этих строк каждому из наших детей уже больше сорока лет, и, живя довольно далеко друг от друга, они все-таки часто ходят друг к другу в гости, и у них есть замечательная традиция помогать присматривать за племянниками, чтобы давать отдых их родителям. Всем им требуется уделять много времени своей работе, и у всех периодически случается кризис заботы о детях. Нам нравится выступать в роли дедушки и бабушки, периодически «закрывая собой амбразуру», что представляет собой исключительно неуместную фразу, поскольку никто из наших детей не голосовал

за войну в Ираке в 2003 году. Мы вместе с ними участвовали в маршах мира и однажды, на Пасху 1985 года участвуя в пикетировании американской морской ракетной базы, мы сфотографировали полицейского, помогающего детишкам перебраться через глинистый ров, чтобы они смогли приблизиться к окружающему базу забору.

Мы надеемся, что наши дети получили какую-то пользу от нашего брака. Все четверо были крещены и ходили с нами в церковь по воскресеньям, хотели они этого или нет, в качестве «религиозного обязательства» нашего брака, как упоминается в «Советах и вопросах» (пункт 23), хотя только после того, как наш младший ребенок вырос, Сюзан предприняла свой знаменательный теологический переход, присоединившись к Обществу Друзей, и мы оба пошли на столь же принципиальное изменение своей жизни, организовав христианское сообщество домовладений.

Родителям, обнаружившим себя в нестабильном, разрушающемся по какой-либо причине браке, приходится делать трудный выбор. Общепринятая мудрость того времени, когда наши дети были маленькими, состояла в том, чтобы родители оставались вместе «ради блага детей». Оставаться в несчастливом браке и быть несчастными вместе считалось лучшим вариантом, нежели стать вдвойне несчастными по отдельности. Сегодня, в XXI веке произошли культурные изменения, и расставание не только широко распространилось, но также утратило свою былую стигму. Однако практическая ситуация не изменилась, и тому родителю, который остается с детьми, нужно также зарабатывать на жизнь. Проживание с детьми и без супруга отнимает время и энергию и, скорее всего, обеспечивает меньше средств на детей, чем поступало бы при совместном проживании. Немногие согласятся с тем, что одинокое родительство — трудная роль. Вот заключительный параграф из отчета Материнского альянса об опыте и потребностях бездомных женщин с маленькими детьми

в Лондоне:

> Это исследование — история выживания вопреки всему. Женщины день за днем живут в грязном, зараженном и переполненном приюте. Они плакали, рассказывая мне о своем ощущении собственной никчемности и боли от того, что они и, что еще более важно, их дети рассматриваются обществом в качестве низшего класса, заслуживающего лишь отношения как уровень «в шаге от улицы». Они искали объяснений тому, почему им так мало помогали социальные службы, и они чувствовали, что не сделали ничего, чтобы заслужить такое отвержение. Но они также рассказывали мне о своих мечтах. Их мечты были о квартире где-то в чистоте и безопасности, среди друзей и семьи, где их дети смогут расти, чтобы «быть свободными», здоровыми и пойти в школу… Это вполне понятные мечты.
>
> *Сотелл, 2002*

Мы не считаем, что в настоящее время или когда-либо еще в нашей жизни встречались непреодолимые обстоятельства, когда родителям стоило оставаться вместе в браке, разрушенном ссорами, подозрением и обидами. Бывают ситуации, в которых распадающийся брак предоставляет меньшую стабильность для детей, чем это может быть обеспечено доверяющим и любящим одиноким родителем. Поэтому, хотя остается верным то, что детям лучше всего ежедневно наблюдать любовь и согласие обоих родителей, но иногда возникает настоятельная причина для расставания, если родители разрушают друг друга. Неизменный закон любви Иисуса преобладает над последующим учением, которое может недостаточно учитывать социальные и экономические изменения, произошедшие за последние две тысячи лет.

Мудрость Бенедикта позволила монастырям принять устав, конечно же, с определенной лежащей в его основе целью, но равноценной книги для родителей и детей, живущих за пределами монастырских стен, просто не существует. Шекспир снова говорит об этом в уже упоминавшемся сонете:

У времени нет власти над любовью;
Хотя оно мертвит красу лица,
Не в силах привести любовь к безмолвью.
Любви живой нет смертного конца…
Сонет 116 (в переводе Модеста Чайковского)

Выбор между возможностью остаться вместе или разойтись может оказаться трудным, но его следует делать, взвешивая сегодняшнюю «мертвящую» реальность, а не просто принимая исторический эдикт иерархической церкви или устаревшего закона.

Совмещение различных даров

Обоснованием для длительного брака служит то, что он порождает синергию. Мы обнаруживаем, что объединенная энергия двух людей, находящихся в отношениях и преданных друг другу, превосходит сумму энергий тех же самых двух людей, не связанных отношениями, или если в их отношениях нет любви.

Иисуса иногда описывают, как «человека для других». Если мы тратим эмоциональную энергию, споря со своими супругами, или задумываем поступить по-своему, у нас остается соответственно меньше энергии на других людей, как это показано в Евангелиях. Если мы заперты в собственных проблемах, и это ведет к расставанию или разводу, всегда присутствуют два человека, каждый из которых сжигает энергию в гневе и негодовании, так что энергия, предназначенная для других, истощается. Верно и обратное — что синергия стабильного брака означает, что один плюс один равняется трем, а не двум, и это добавляет находящуюся в их распоряжении энергию.

Существует также партнерство даров/харизм. Один может быть «идеалистом», а другой — «деятелем», первый

обладает даром выработки нового подхода к проблеме, а у второго присутствует организаторская жилка, позволяющая воплотить идею в действенную структуру. Подобные дополняющие друг друга дары присутствуют в каждом удачном партнерстве, как на работе, так и в политике или где-либо еще, но они имеют особое значение в семейных отношениях и становятся изобильным источником счастья, если удается сплавить воедино такие разные дары. Иоанн, автор Евангелия, говорит об этом так: «и сеющий и жнущий вместе радоваться будут» (Ин 4:36—7).

В нашем случае мы осознали, намного позже произошедших событий, что фундаментальная смена Роджером работы в возрасте сорока лет — когда он ушел с должности директора по производству в Шеффилдской стальной индустрии и стал предпринимателем в торговой сфере бизнеса, совладельцами которого были работники — не могла бы произойти, если бы мы не были способны делиться видением и деталями его реализации, включая переезд, перевод детей в другие школы и изменение нашего образа жизни. За все эти годы трансформации нам нужно было принять десятки жизненно важных решений, и часто один «сеял», а другой «жал». И всегда было понятно, что наши решения были общими, и что без синергии перемещение из Шеффилда в Нортгемптон могло бы сбить нас с ног. Без синергии эта раз в жизни выпадающая перспектива быть катализаторами, как наказывал нам Тед Уикам десятью годами ранее, провалилась бы с позором. Более того, если бы наш брак распался, скажем, еще в Шеффилде, то я вряд ли решился бы сделать шаг на такую неизведанную территорию, но подавил бы свои стремления и занял доходное место управляющего директора «Спир и Джексон», возможно, я разбогател бы и, вполне вероятно, пресытился бы такой жизнью. А Сюзан могла бы попасть в сети англиканской церкви, занявшись организацией благотворительных базаров, и она никогда бы не предприняла свое жизнетворное перемещение в квакерство.

Год, прошедший между уходом из «Спир и Джексон» и началом работы над «Трилоном» стал критическим. Хорошо известные и прекрасные слова в Экклезиасте (1:12—13 и 3:6—7) «время искать, и время терять... время раздирать, и время сшивать» были произнесены царем-философом не на праздновании, но в разочаровании. Он был наделен властью и скопил «великие богатства», но все обернулось в прах и пыль, как «в погоне за ветром». Он говорит, что Бог распоряжается всем, но не может понять того Бога, который контролирует человеческую судьбу. Экклезиаст противоположен Евангелию, созданному намного лет позже и описывающему совершенно другое Царство. Труд для этого Царства не будет погоней за ветром, потому что приближает нас к трансцендентному любящему Богу, которому принадлежит это Царство и присутствия, которого мы ищем, сводя вместе все полученные нами дары.

Брак и жизнь в сообществе

> *Используя слово «сообщество» в этой книге, я говорю, прежде всего, о группах людей, которые оставили свой привычный круг общения, чтобы жить под одной крышей с другими членами своей группы и действовать, исходя из нового видения людей, их отношений друг с другом и с Богом.*
>
> *Джин Ваниер, 1989 (33)*

Церковь, по своей сути, создает значительное напряжение в окружающем ее обществе, потому что она не принимает как само собой разумеющееся (даже если верующие при этом не становятся активными противниками этого) верховный авторитет превалирующих норм социального статуса и власти. Чем меньше участие христианства в общественной жизни… тем сильнее это напряжение.

Рован Уильямс — у МакГрэндл, 2004 (34)

И как же тогда нам жить? На протяжении двадцати лет, почти половину наше совместной жизни, мы обитали в сообществе домовладений — Соседской общине. Как это повлияло на наш брак? Что мы можем сказать?

Наша задача, вне зависимости от того, состоим мы в браке или нет, заключается в обнаружении более глубокого ощущения присутствия Бога в нашей жизни. Каждый из нас — дитя Божье, поэтому мы все — братья и сестры и, пребывая в любви Бога, мы также посвящены друг другу. Не существует какого-то единственного пути воплотить это посвящение, и каждый из нас должен найти свой путь. Возможностей для этого много.

Современный общепринятый стиль жизни предполагает независимое домовладение, которое может принадлежать как одному человеку, так и семейной паре или родителям с детьми. Предполагается самостоятельность каждого домовладения, и социологи называют эту модель «коробочками». Члены разных коробочек могут побеседовать через садовый забор и занять у соседей литр молока или же могут выбрать полное отсутствие каких-либо контактов с ними, иногда даже не зная, кто живет за следую-

щей дверью, особенно в городских квартирах. Нередко случается так, что умерших одиноких людей обнаруживают только через несколько дней, а то и недель, после их смерти.

Многие люди, посвятившие себя поиску Божьего присутствия в своей жизни, продолжают существовать в том же обычном доме на той же самой улице, так что их духовные искания остаются невидимыми для их соседей. Независимые домовладения служат популярным стимулом, с помощью которого средства массовой информации оказывают на нас давление, побуждая к приобретению и накоплению имущества — нам внушают, что большой телевизор сделает нас более счастливыми, а новая кухня добавит несказанную радость к ежедневному приготовлению пищи и мытью посуды. Разумеется, до какой-то степени, они правы. Усовершенствованное оборудование для домашнего хозяйства может улучшить нам настроение, да и чистка кастрюль и сковородок березовым прутиком — дело трудоемкое. Тем не менее, достоинства усовершенствований небезграничны, а фундаментальные искания никак не затрагиваются кухонным устройством. Обособленный стиль жизни так или иначе принимают 90% населения; духовно ищущие среди них не слишком обращают внимание на рекламу, сопротивляются побуждениям превратиться в маньяков-шопоголиков и никогда не оставляют своих исканий.

Существуют альтернативные модели жизни, такие как монастыри или немонашеские сообщества, которые отвечают потребностям некоторых ищущих. Они не обязательны для всех и даже не всем подходят, но эти альтернативы, действительно, помогают сохранять «правильное напряжение», о котором пишет Рован Уильямс, оспаривая «превалирующие нормы социального статуса и власти».

Например, один наш друг, достигнув поворотного момента в своей карьере и стараясь найти пути для дальнейшего движения, ощущал опустошение и отстраненность

от того видения, которое когда-то, еще в молодости, заставило его принять духовный сан. Ожидая поезда на вокзале в Йорке на одной из самых длинных железнодорожных платформ в Англии, он наблюдал, как мимо проезжают бесконечные товарные поезда. На каждом из абсолютно одинаковых вагонов было написано: «Вернуть пустым в Шотландию», это было похоже на мантру. Внезапно осознав, что это и было ответом на его искания и молитвы, он вернулся в Шотландию, и там на протяжении сорока лет вел очень простую жизнь в фургончике, где когда-то обитали шахтеры. У него не было телевизора, а кухня была совсем простенькой, и библия всегда занимала место на хлебнице в конце стола, где ее было легко достать для поиска нужного места. За все это долгое время он помог множеству людей в их исканиях, оказывая им простое и радостное гостеприимство.

Опыт относительно одинокой жизни нашего друга необычен, а другим примером может послужить монастырь, где у каждого человека есть своя келья, но все остальное пространство общее, включая трапезную, часовню, кухню и сад. Монахи или монахини дают обеты целибата, бедности и послушания, что так отличается от навязчивых образцов телевизионной рекламы. Монашеская жизнь проходит в сообществе с обязательной для всех дисциплиной, которая помогает, а не препятствует, поиску присутствия Бога. Например, Бенедиктинский устав, созданный в 6 веке нашей эры и постоянно совершенствовавшийся в соответствии с потребностями менявшегося мира, основан на неизменном требовании определенного ритма молитвы и работы, которые иногда кажутся взаимозаменяемыми. «Молитва — это работа, — говорит Бенедикт, — и монахи иногда отвечают, что работа — это молитва». Тем не менее, устав предлагает два условия — работу и молитву — ежедневный образец молитвы в часовне и ручного труда в доме или в поле, в качестве способа духовных поисков, который оказывался

плодотворным на протяжении пятнадцати сотен лет. Как же еще можно объяснить такую его продолжительность?

Эти две модели жизни — независимое домовладение и монашество настолько несопоставимы, что многие христиане вполне оправданно чувствуют себя обязанными избрать какой-то один из них. Хотя всегда присутствовали эксперименты с альтернативным домостроительством в попытках создать основу для проявления неизменного обязательства любви к ближнему как к самому себе. Например, в начальные годы нашей совместной жизни в 1960-х существовало множество «коммун», некоторые светские, а некоторые христианские, в которых молодые люди жили все вместе, но без каких-либо ограничений или долговременных обязательств, свойственных монашеским орденам. Некоторые их таких сообществ продолжают существовать (справочник «Копатели и мечтатели» описывает девяносто сообществ), но большинство коммун 1960-х просто исчезло — некоторые не смогли договориться об идеологическом фокусе сообщества, будь это экология и устойчивое развитие или же буддизм, христианство и пр., а для других камнем преткновения стало вовлечение в структуру сообщества детей. Одно дело жить в такой коммуне, когда тебе двадцать лет, и ты свободен, и совсем другая социальная динамика возникает, когда тебе тридцать пять, и у тебя есть супруга и дети. Коммуны редко ассоциируются с половым воздержанием.

Еще одним примером является то, что мы называем «сообществом домовладений». Это не коммуна, потому что у каждой ячейки есть свой отдельный вход, кухня и гостиная, и это не монастырь, поскольку ее члены не дают никаких обетов и остаются светскими людьми.

Существует много вариаций, например, когда один большой дом разделен на отделения для семей или одиноких людей. Или же члены сообщества могут жить в отдельных домах, но совсем рядом на одной улице.

Основополагающей характеристикой сообщества домовладений служит то, что они находятся достаточно близко друг от друга, чтобы люди могли встречаться ежедневно, и чтобы каждое домовладение было связано с другими определенными отношениями. Это могут быть обязательства экономической взаимопомощи — общих газонокосилок, стиральных машин или автомобилей, периодически — общие приемы пищи. В случае христианских сообществ, принимается обязательство ежедневно собираться на совместное богослужение. Эта модель может показаться новой и незнакомой, но, вероятно, будет правильнее сказать, что по такому образцу строилась ранняя церковь в Иерусалиме, задолго до возведения каких-либо церковных зданий. Лука комментирует: «И каждый день единодушно пребывали в храме, и преломляя по домам хлеб, принимали пищу» (Деян 2:46, также см. Филем 2 «и домашней твоей церкви»).

Именно этот образец стиля жизни мы исследовали, развивали, испытывали на протяжении четверти века, временами впадая в отчаяние от самих себя или наших братьев и сестер в сообществе, мы опускали руки, и нам казалось, что мы просто обманываем себя, думая, что таким образом отстраняемся от искушений эгоизма и ложных ценностей потребительской идеологии. Но, в другие времена, нас вдохновляло то или иное решение или действие, показывавшее, что сообщество было, действительно, способно приносить пользу духовным исканиям. В церквях того времени, о котором это написано, наблюдалось мало свидетельств внимания христиан к тому, что Рован Уильямс называл «особенной жизнью сообщества», однако признаки этого присутствовали в историях сообществ живущих вместе мирян — их группы были «особенными», и это были «сообщества». Мы благодарны за полученный опыт и рады передать его другим, движущимся в том же направлении.

Для Сюзан и меня сообщество совместного прожива-

ния означало более дисциплинированную молитвенную жизнь, потому что общие утренние молитвы были обязанностью, которую мы оба взяли на себя, а дисциплина группы иногда оказывается сильнее, чем дисциплина семейной пары, живущей в отдельном домовладении. Членство в таком христианском сообществе обязывает нас участвовать в молитвах и принятии связанных с ними решений. Хотя, конечно, для семейной пары вполне возможно вместе читать библию или молиться каждый день, у нас никогда не получалось делать это на регулярной и долговременной основе за те двадцать семь лет, которые мы провели в браке до того, как присоединились к Соседской общине. Так что, если молитва — центр жизни, тогда пребывание в сообществе может быть полезно для мирян в той же степени, как монашеское сообщество — для принявших обеты монахов и монахинь.

Также мы обнаружили, что поддержка Общины дала нам возможность взять на себя решение задач, которые были бы невыполнимы для отдельно живущей семейной пары. Синергия присутствует в браке, и таким же образом она существует в совместном проживании сообщества. В нашем случае, предоставление жилья выздоравливающим после психических срывов стало именно тем, чем мы оба хотели заниматься, но что было бы немыслимо в обособленном домовладении. Община предоставила нам возможность делать это на протяжении десяти лет с 1984 по 1994 гг., благодаря тому, что члены нашей группы, помогая друг другу, также были способны переварить стресс проживания рядом с поправляющими свое здоровье недавними пациентами психиатрических клиник. Дома «Ковчега» служат превосходным примером такой синергии, и их основатель, Джин Ваниер считает, что они также полезны для тех, кто оказывает в них помощь, как и для тех людей с ограниченными возможностями, которым она предназначена.

Ко времени написания этой книги Соседская община

уже перестала заботиться о душевнобольных, и ее фокус переместился на проблемы, связанные непосредственно с браком. В настоящее время Община состоит из семи взрослых членов и их восьми сыновей и дочерей, возрастом от девяти до двадцати трех лет. Из семи членов у шестерых имеется непосредственный опыт брака, одна женщина — вдова, другая разведена, и к ним добавлены две семейные пары. Члены одной из семейных пар разошлись на короткое время, но потом, присоединившись к Общине, снова стали жить вместе, а другая пара — это мы. Так что в этом маленьком сообществе домовладений у нас присутствует широкое разнообразие вариантов семейной жизни с ее достоинствами, проблемами и неизвестностью. Хотя на собраниях Общины это редко озвучивается, мы принимаем как одну из наших общих задач, сознательно или неосознанно помогать тем, кто женат или замужем, остаться в браке, и поддерживать стремление тех, кто одинок, к равновесию между их отдельной жизнью и пребыванием в сообществе совместного проживания. Наше соседство теснее, чем это можно обнаружить на какой-либо из других улиц, поскольку мы живем ближе друг к другу. Например, хотя у нас есть собственная парадная дверь, мы делим с соседями лестницу и шкаф для проветривания и заходим в дома друг друга намного чаще, чем это принято у обычных соседей, и, в отличии от них не нуждаемся в разрешении. Некоторые видят в этом уменьшающее изоляцию преимущество, но другие, особенно те, кто относится скорее к интровертному, нежели экстровертному типу, считают такое вмешательство назойливым, подходящим для снимающих жилье студентов, но никак не для семейных пар с детьми. Защита территорий часто становилась темой собраний сообщества, и мы неизбежно поступаемся до некоторой степени нашей частной жизнью, и наши двери в большей мере открыты, чем в это бывает в отдельных домах.

Невозможно сказать, было это полезно или вредно для нашего брака, но мы не жалеем, что приложили руку к созданию сообщества домовладений в 1984 году и продолжаем развивать его до настоящего времени.

Сюзан пишет…

В нашей семейной жизни редко бывали времена, когда мы жили бы одни, только лишь вдвоем. Первые десять месяцев, до рождения нашего первенца и с тех самых пор рядом с нами жили самые разные люди, и я полагаю, что мы подсознательно вырабатывали защитные стратегии. Мы оба были в школе-интернате, что наш друг, окончивший Итон, назвал «хорошей подготовкой к совместной жизни». Нам приучили делиться пространством. С появлением четверых детей становится все меньше места для уединения. Когда мы создавали Соседскую общину, нам было ясно, что каждой семье нужен собственный парадный вход, и мы всегда об этом помнили, стуча и громко сообщая о своем приближении, когда входили на территорию друг друга. Это кажется особенно важным с подростками, которым не нужны посторонние в их семейном пространстве, и мне пришлось заново исследовать то, как мое присутствие воздействует на их жизнь; нужен достаточный контакт для признания их личности и не слишком много настойчивости — не более чем проба отношений, если только они сами не пойдут навстречу. Но мы полезны, когда что-то случилось, а отключения электричества способны наводить мосты!

Хотя у нас общая лестница с соседями по дому, это причиняет лишь мимолетные неудобства. Тот, кто сейчас живет рядом с нами, не любит, когда на лестнице стоят какие-либо вещи, о которые можно споткнуться. Когда он уезжает, я наслаждаюсь, оставляя вещи на каждой ступеньке. А сначала в этой квартире жила старушка, которой нравилось наблюдать за нами, и которая моментально появлялась рядом со мной, чтобы сказать, как ей нравится

видеть меня праздно сидящей утром — роскошь, которой она не могла себе позволить в своей тяжелой трудовой жизни. Она также ожидала от меня предсказаний погоды, и это доводило меня до безумия, однажды я ударила кулаками по дверям, закричав, что она знает о погоде не меньше моего. Но такие мелкие неурядицы не обязательно должны присутствовать в жизни сообщества, или же, как теперь я понимаю — все же должны. Нас разделяют не великие вопросы, но ежедневная обязанность терпеть друг друга. Мы создали систему, в которой каждый человек представляет собой отдельный элемент, так что для семейных пар каждое дело повторяется дважды — два завтрака по субботам, два ужина по четвергам. Нам не стоит надеяться, что Роджер приготовит трапезу для семерых, но с завтраком он справится, если я приготовлю кашу! Мне приходится заставлять себя проявлять такую щедрость.

Я почти никогда не жила одна. Жизнь в отношениях с кем-то всегда была у меня в избытке и та взаимозависимость, которую она приносит, и необходимость балансирования, развития способность оставаться независимой, но при этом сохранять открытость для взаимоотношений, о чем я с годами все больше думаю. Конечно, бывают времена, когда весь проект в целом кажется чрезмерным, но это чувство возникает у нас не одновременно. То, что заставляет одного из нас требовать немедленного выхода из сообщества, другой воспримет с полным спокойствием. Именно потому, что наша реакция на одинаковые ситуации может быть разной, мы и способны достигать равновесия. Однако основа того, почему мы здесь, одинакова — попытка построить молитвенное сообщество, предлагающее формы богослужения, которые доступны каждому.

Пишет Роджер…

Улучшение и без того хорошего брака

Квакеры хорошо относятся к барку, считая его серьезным и счастливым обязательством, а не просто юридическим договором. В Доме собраний бывает радостно, когда там происходит бракосочетание, где присутствуют не гости с серебристыми пригласительными билетами, полные энтузиазма Друзья — члены собрания, к которому принадлежит, или куда может собираться вступить пара. Такое приветственное отношение проявляется и в подписании брачного сертификата — обычай, которого мы не наблюдали ни в одной другой религиозной общине. Хотя иногда бывает трудно найти подходящего клерка для квакерского собрания, пост записывающего служителя пользуется популярностью, и с него так просто не уходят, иногда оставаясь в этой должности, пока не возникнут трудности с написанием своего собственного имени!

Во время написания этой книги мы обнаружили, что семейные пара, как квакерские, так и не-квакерские, с готовностью делились мыслями о своем браке, иногда это были весьма глубокие рассуждения. Несмотря на высокий процент неудач в браке, кажется, что семейным людям нравится оставаться в браке, и недавняя статистика показывает, что в двух из пяти бракосочетаний, по меньшей мере, один из партнеров уже был женат или замужем. Стремясь ли отомстить или приобретя опыт, решаются они «пробовать снова», к лучшему или худшему, к богатству или бедности? Учитывая эту продолжающуюся заботу о браке в противовес отношениям без обязательств, странно, что в Обществе Друзей отсутствует группа обсуждения или совершенствования брака. Связанные с этой темой и другие организации обычно ставят задачу поддержки и сохранения уязвимых отношений, и это полезное дело; но мы задумали нечто иное — средство улучшения и еще большей консолидации стабильных семейных пар с целью

усиления синергии. Это может происходить и в группе обсуждения, но лучшим подходом, на наш взгляд, были бы встречи трех семейных пар — шести человек, которые договорились бы собираться и на регулярной основе, например, раз в месяц в течение полугода говорить друг с другом о своем брачном опыте. Предметы обсуждения могут быть разными, и те из них, которые сразу приходят на ум, важные как для Друзей, так и для представителей других религий, в которых брак основан на вере, включают:

— *Кто чем занимается? Обсуждение наших ежедневных задач.*
— *Духовное путешествие пары. Совместная молитва и поклонение.*
— *Как мы принимаем решения? Особенно, когда возникает противоречие.*
— *Секс.*
— *Распределение расходов, пожертвования, финансовое планирование.*

Эти установления, которые мы называем «брачным аккомпанементом», схожи с духовным аккомпанементом, но обсуждаются в группе из шести, а не двух человек, по принятым у Друзей правилам обсуждения, без иерархического элемента, который обычно подразумевается в более общем термине «духовного наставления».

5. Квакер в браке с не-квакером

Единственный квакер в семье

> *И жена, которая имеет мужа неверующего, и он согласен жить с нею, не должна оставлять его. Ибо неверующий муж освящается женою верующею, и жена неверующая освящается мужем верующим.*
>
> *1 Кор 7:13—14*

Сюзан пишет…

Общее собрание вышло за предполагавшиеся временные рамки, сочтя, что Друзья будут счастливы завершить программу. Я пожаловалась своей соседке, сказав, что с меня уже хватит, и мне просто хочется пойти домой. Она взволнованно ответила: «Это лучшее из всего, что я услышала за целый день». Она пришла на Общее собрание со своим мужем, который недавно вступил в Общество Друзей и оказался настолько захвачен квакерскими делами, что она могла провести время с ним, только если также приходила на собрание. Я задавалась вопросом, сколько еще людей находятся в похожей ситуации, вынужденно участвуя в квакерских событиях. Можно ли предполагать, когда наши партнеры присоединяются к чему-то, кажущемуся совершенно безопасным — как Общество Друзей — что это заберет всю их жизнь?

Известный квакерский историк отметил, что, по его ощущению, возникающие из-за брака квакера и не-квакера сложности связаны с отношениями, а не с член-

ством. Тем не менее, если в отношениях и так не все гладко, то увлекательное и требующее самоотдачи членство одного из супругов их не улучшит. Переход порога вступления в члены влечет за собой обязательства, которые вряд ли понравятся не-квакерам. Наши англиканские знакомые, сведущие в экуменической сфере, поражаются количеству времени, которое уделяется делам Общества Друзей, поскольку оба они происходят из традиции, где принято кому-то платить за выполнение обязанностей, которые квакеры на своих местных собраниях выполняют для себя сами. К лучшему или к худшему, а чаще именно к худшему, бывает так, что те, кому платят, и принимают решения, которых мы с такими мучениями достигаем в наших запутанных структурах.

Друзья, которые состояли в членстве длительное время, родились в квакерских семьях или живут с супругами-квакерами, по всей видимости, утрачивают представление о том, каким непонятным, а иногда и неприемлемым представляется не-квакерам наш путь. Не каждый согласится с теорией о том, что «квакеры — такие приятные люди». Некоторые из тех, кому мы платим за услуги, или с кем пересекаемся в бизнесе, менее терпимы к нашим особенностям. «Не думают ли квакеры, что они — единственная группа, выступающая против войны?», — раздраженно ворчал один экуменический деятель, в то время как квакерский представитель вновь и вновь трубил о мире.

Для тех из нас, кого можно назвать «детьми в Обществе», как охарактеризовал меня один Друг, принадлежащий к Обществу по праву рождения, фокус состоит в том, чтобы исполнять роль полноправных членов, не обрекая своих партнеров на одиночество на все выходные дни и несколько вечеров в будни. И этого трудно достичь, особенно, если клерк собрания всю жизнь служил Обществу Друзей и его партнер делал то же самое. Они никогда не задумывались о возможности каких-то других занятий, помимо вспахивания бесконечной повестки дня по вос-

кресеньям. «Что же может быть более важным», — вопрошают они.

К счастью, Роджер редко жалуется, зная, что в его жизни «труд для Господа» предъявляет столь же много требований. Но я чувствую себя виноватой. Он одинаково щедр в пожертвованиях на квакерские нужды, что иначе могло бы стать яблоком раздора. Давать «Христианской помощи» или «Квакерскому мирному и социальному свидетельству»?

Как указывалось ранее, англиканское сообщество было жизненно-важным для меня в период воспитания детей, когда приоритетами Роджера служили работа и Индустриальная миссия, а наша местная церковь была лишь на третьем месте. Но, благодаря заботе моих подруг, которые были замужем за священниками, а значит, также находились в положении «замужних, но одиноких родительниц», я, хотя и мечтала о том, чтобы Роджер был со мной, чувствовала поддержку в той же степени, как и квакер в браке с не-квакером, с кем я это обсуждала. Например, в квакерско-католическом браке, когда родители хотят, чтобы дети были частью их религиозного сообщества, а значит, обоих сообществ, за мессой следует детское собрание — бедные малыши! Полноценное участие может быть для них нагрузкой, но если они иногда бывают на богослужении и социальных мероприятиях обеих организаций, тогда им хотя бы становятся известны трудности, с которыми сталкиваются их родители, даже если при этом утрачивается значимость воскресного обеда. Будучи осведомленными, они, когда придет время, смогут сделать собственный выбор.

Я рада, что не полностью принадлежу к одной-единственной религиозной традиции. Это не только заставляет меня ежедневно задумываться о своих убеждениях, но и напоминает мне о великих дарах и сильных сторонах, присутствующих в других религиозных традициях. Наиболее абсурдные и загадочные практики Друзей не выдер-

живали испытания экуменической оценкой Роджера. Его отказ записываться в какие бы то ни было религиозные течения, но при этом согласие участвовать в богослужениях нескольких из них, способны вызвать непонимание, поскольку иногда кажется, что его поймали, но затем он выскальзывает! Тем не менее, если бы он отдал предпочтение одной церкви, и поэтому оказался, подобно мне, вовлеченным в ежедневное участие в делах своей общины, все было бы сложнее, как мы знаем из примера оказавшихся в такой ситуации семейных пар. Я присоединилась к Обществу Друзей, потому что искала религиозное сообщество, где мужчины и женщины были бы равными. До этого на мою долю выпало достаточно сражений за «уголок женщин-служительниц». У меня не возникало ощущения того, что многие Друзья описывают, как «возвращение домой», я просто присоединилась к группе людей, с которыми мне комфортно, и с кем я могу заниматься вещами, которые считаю важными. Вопросы о браке квакера и не-квакера не касаются лишь времени и денег, но также относятся к сферам, где находится сердце, душа и дух. Выбрав путь, отличающийся от пути партнера, мы обретаем два подобных «дома», и потребуется открытость, приложение усилий и воображение, чтобы сохранять путь свободным, ворота открытыми и делиться красотой своего дома и сада друг с другом.

Вероятно, одна из опасностей квакерства заключается в том, что нам свойственно общаться только в своем кругу. Во время развивающих выходных в Вудбруке мы работали с индикатором Майерса-Бриггса, и оказалось, что почти все присутствующие принадлежат лишь к небольшому спектру типов. Некоторые типы не были представлены вовсе. Нам нужно слышать порой раздражающие голоса тех, кто не похож на нас. Я слышу такой голос каждый день. То, что мы делаем вместе важнее принятия общих религиозных кредо.

Роджер пишет…

В других религиозных группах возникают сложности, аналогичные тем, которые связаны с пребыванием члена Религиозного Общества Друзей в неквакерском семейном окружении. Межцерковная семейная ассоциация, основанная в 1967 году (см. Ресурсы, список — 35) поддерживает семьи, в которых религиозные убеждения супругов различаются. В основном, это касается католиков, состоящих в браке с прихожанами других церквей, но ассоциация распространяет свою заботу и на любые другие межцерковные семьи, а возникающие в них проблемы схожи в любой конфессии или деноминации.

Я понимаю степень ответственности, возлагаемой на членов религиозной организации, в которой нет оплачиваемых сотрудников на местном уровне, и считаю, что мне посчастливилось быть рядом с Сюзан, когда она все больше вовлекалась в деятельность Друзей, как на местном, так и на общенациональном, уровнях. Я определенно выиграл от этого и благодарю Друзей за свое знакомство с такими понятиями, как общение в духе Библии, а также с квакерским «деловым методом», в котором исключено голосование — у меня была возможность поделиться этим с другими организациями за пределами квакерской сферы. Я делаю все, что в моих силах, чтобы поддержать Сюзан в ее квакерской деятельности, и у меня нет причин жаловаться на то, как много сил и времени она уделяет своему служению. Совсем наоборот. Я горжусь ее принадлежностью к квакерству и с удовольствием сообщаю об этом друзьям и знакомым. Мне бывает комфортно в молчании собрания Друзей и хочется, чтобы на богослужениях других религиозных групп было больше тишины. Я принимаю участие в мирном свидетельстве в Молсуорте и Олдермастоне, а также в молчаливом молитвенном протесте, который проходит каждый месяц в городском центре Нортгемптона под эгидой местной христианской экуменической сети справедливости и мира. В квакерском

центре Вудбрук прошли счастливые месяцы моей жизни. Оглядываясь назад, я понимаю, что я — неисправимый путешественник по организациям; по моим подсчетам, за годы нашей совместной жизни я побывал в более чем пятидесяти организациях — ассоциациях, церквях, политических партиях, спортивных клубах. Итак, резонно задать вопрос, почему же я нигде не стал постоянным посетителем или членом. Причин две.

Во-первых, со времени своего христианского обращения в 1947 году, когда я был студентом, моим убеждением было то, что Иисус — не только историческая фигура, но он также был и остается мессией, прихода которого иудеи ожидали много лет, и которого до сих пор ждут ортодоксальные иудеи. Я верю, что Иисус — часть Троицы, и что его земная жизнь — единственный случай в историческом повествовании, когда нам был явлен воплощенный в человеке Бог. Вера в воплощение Иисуса настолько прочно вошла в мое духовное путешествие, что я счел бы крайне трудным для себя членство в организации, которая не придерживается исключительно такой позиции, и сторонники которой разделены — можно сказать, к сожалению, разделены — продолжающимися дебатами о личности Иисуса. Среди квакеров многие «универсалисты» считают исторического Иисуса великим учителем, мудрым человеком и пророком, в то время как «христоцентричные» Друзья делают следующий шаг, в котором я с ними солидарен. Иисус молился о единстве всех верующих (Ин 17:11), и мы живем в эру, когда происходит реальное движение в сторону христианского единства, но, к сожалению, позиции Друзей по этому вопросу расходятся. Хотя многие отдельные квакеры — христиане, Общество в целом не может участвовать во всехристианском служении, и иногда Друзья пребывают в нерешительности на его периферии. Я чувствую собственную потребность бескомпромиссного отождествления с христианскими организациями.

Во-вторых, я обнаружил, что многое в моей вере связа-

но с таинствами — внешними и видимыми символами, обладающими внутренним и духовным значением. Я хочу верить, но у меня, как у многих из нас, бывают времена сомнений, и в эти времена мне нужна поддержка для сохранения веры. Такую поддержку оказывает молитва, изучение Библии и еще — для меня — таинство евхаристии, причащения хлебом и вином. Друзья, разумеется, не отрицают таинства и даже отводят им почетное место, говоря, что вся жизнь — священное таинство.

> Мы не осуждаем своих собратьев-христиан, для которых внешние ритуалы значат так много. Напротив, мы стремимся к молитвенному содружеству с ними, чтобы в общем единстве прийти к более глубокому пониманию того, что скрывается за этими ритуалами, и чтобы, таким образом, вместе получить более глубокий опыт разума Христа.
>
> *«Квакерская вера и практика» 27.39*

Я завидую идеализму столь целостного отношения, но для меня ритуалы важны и неизбежны. Если Рождество каждый день, то празднования Рождества не будет никогда. Если Христос воскресает ежедневно, то не будет Пасхи. Если все люди — мои друзья, значит у меня нет друзей. Я согласен с квакерской идеей святости всей жизни, но не с выводом о том, что конкретные таинства не нужны — касается ли это указывающих на небо шпилей храмов или же хлеба и вина евхаристии.

Возможно, в семнадцатом столетии шпиль имел большее значение в качестве произведения искусства, нежели помощи в богослужении общины, которая собиралась в здании под ним. Возможно, курения и колокольный звон сами практически превращались из символов с духовным значением в объекты поклонения. Так что проблема состояла в идолопоклонстве, а Фокс и его последователи считали необходимым упрощение и минимизацию внешнего и видимого для усиления значения внутреннего и духовного. Если бы я родился в 1627, а не в 1927 году, то вполне

мог бы стать ранним квакером, но мир изменился, и вместе с ним изменилось идолопоклонство. Теперь невелик риск служения тем религиозным идолам, против которых выступал Фокс, и стало более вероятным поклонение стиральной машине, чем церковному шпилю, скорее — интернету, чем благовониям. Потребительство окружает нас со всех сторон, совершенствуясь благодаря усилиям своих апологетов, прошедших обучение у психологов и закончивших бизнес-школы, которые не имеют ничего общего с духовными путями, или, в крайнем случае, спихивают «духовное» на кого-то еще. И если эти умудренные силы секуляризма окружают меня, в мои восемьдесят лет, то насколько больше они охватывают наших детей, в их сорок лет, и наших внуков-подростков, которые только обретают жизненные ценности.

Со времен Фокса изменилось и наше религиозное сообщество. Например, для ранних квакеров и их современников была несомненной божественность Иисуса. Проблемы возникали скорее с тем, как применить эту идею на практике, нежели с самой идеей, но с тех пор христианство на протяжении двухсот лет осаждалось полчищами секуляристов, ученых, гуманистов, марксистов и прочих. Так что те, кто, как и я, воспринимает Евангелие как живое описание уникального проявления Бога в человеческом мире, сегодня остались в меньшинстве и нуждаются в осязаемом подкреплении, включая богослужебные ритуалы, и особенно, хлеб и вино евхаристии. Без подобной помощи, я оказался бы в духовной пустыне, куда мне попасть не хочется. Я с удовольствием время от времени посещаю молчаливое собрание, ощущаю себя с квакерами как дома, обретаю вдохновение в свидетельствах, я поистине благодарен за все эти дары и надеюсь проявить свою признательность на практике. Но я никогда не мог считать себя постоянным участником собраний Друзей и не подавал заявление о приеме в члены. В квакерской книге записано, что Сюзан (член Общества Друзей) «заму-

жем за Роджером» и поэтому она «единственный квакер в семье».

Конечно, существуют квакеры, которые также являются членами других христианских организаций, и некоторые Друзья принимают причастие на евхаристических богослужениях других церквей. Не так давно на католической мессе я заметил двух людей, которые пришли каждый сам по себе и удивились, а возможно и смутились, увидев друг друга. В статье Питера Варни в журнале «Друг» (20 мая 2005 г.) делается предположение о том, что квакеры, должно быть, принимают некоторую форму причастия на молчаливых собраниях. Это было бы действительно свидетельством единства и взаимосвязанности и привлекло бы к Друзьям тех, кто к ним и так близок, но не хочет оставить специфические ритуалы. Богослужение, такое как евхаристия и праздники, подобные Рождеству и Пасхе — мостки через реку материализма, лицемерия, эгоизма и откровенного зла, которое иногда грозится поглотить меня и тех, кого я вижу вокруг.

Итак, я — постмодернистский межденоминационный христианин, который участвует в богослужениях всех церквей и вовлечен во множество экуменических проектов, долговременный и активный член Соседской общины, который поддерживает христианское единство[1], но вряд ли присоединится к Религиозному обществу Друзей. Впрочем, это различие религиозных убеждений не создало серьезных проблем между Сюзан и мной. Мы понимаем положение друг друга, с сильными и слабыми сторонами, и делаем все возможное, чтобы поддерживать друг друга в тех заботах, которые так важны для нас обо-

[1] Устав Соседской общины включает положение: «Наша более масштабная цель состоит в том, чтобы поощрять христианское единство и сообщество, а также искать взаимопонимание с представителями разных религий».

их. И, конечно, брак, сам по себе свят, как внешний и видимый знак для других и внутренний и духовный источник для нас самих, как драгоценная жемчужина.

6. Заключение

Два места на Земле стали значимыми ступенями в духовном путешествии нашего брака — Ханита в Израиле и греческий остров Аморгос. В 1967 году мы добрались наземным транспортом из Шеффилда в Иерусалим, это было паломничество на расстояние 7000 миль. Мы остановились в кибуце в северной Галилее, около границы с Ливаном. Вдохновляющий опыт жизни в сообществе и работы в самоуправляемом инженерном бюро кибуца, которое производило высокоскоростные стальные режущие электроинструменты, стал главным фактором в нашем последующем решении о том, что Роджеру не стоит возвращаться к своей работе в качестве менеджера стальной индустрии, но что ему следует заниматься кооперативной деятельностью, где он и провел все оставшиеся тридцать лет своей трудовой деятельности.

Спустя годы, идеи в этой книге часто обсуждались и некоторые из них были записаны в Теологосе — маленьком заброшенном монастыре на отдаленном греческом острове, где мы регулярно проводили летний отпуск, начиная с 1992 года. Теологос находится на расстоянии нескольких миль от ближайшего поселения, и к нему нет дороги, только ступенчатая тропа для передвижения на осликах. Этот монастырь не строился на уровне земли, а скорее вырастал из нее, и его контуры повторяли неровные линии холмистого рельефа. Некоторые места в церкви устроены прямо на природных камнях — и она более тысячи лет служила местом молитвы и молчания. Ступенчатая тропа вела к монастырю всю эту тысячу лет, и, хотя наш брак не настолько долог, можно сказать, что наша совместная жизнь была ступенчатой тропой длиной в пятьдесят лет. На ней присутствовали ступени перее-

дов: сначала из Шеффилда — где мы встретились и поженились, и где родились наши дети — в Нортгемптон, чтобы уйти с заезженного пути обыкновенного производства и создать рабочий коллектив другого рода; а затем — отъезд в 1984 году из нашего дома на дальней городской окраине, с целью основать Соседскую общину, расположенную на милю ближе к центру города.

Высота ступеней ослиной тропы различалась, но все они оставались в пределах досягаемости для осликов. Наблюдая со стороны, видишь плавное движение осликов вверх по холму, как они шагают, казалось бы, без особых усилий, продвигаясь к своему пункту назначения. Мы размышляли над аналогией и не были уверены в том, что можем сказать то же самое о своей жизни.

Возможно и еще одно сравнение: хотя Теологос — отдаленный и необитаемый монастырь, там есть козы, которых необходимо поить, и даже виноградник в ложбине между холмами, за которым нужно ухаживать. Поэтому из ближайшей деревни ежедневно ездят на осликах по тропе. Разбитые ступени восстанавливают, а нависающие над тропой ветви подрезают. Хотя наш брак и долговременный, мы сознаем, что нельзя принимать его как должное, и что необходимо восстанавливать разрушенные места. Если тропа продолжается, нам нужно смотреть вперед с предвидением и оглядываться назад с благодарностью за полученные дары.

Во второй половине двадцатого столетия, стало ясно, что Теологосу требуется неотложная реставрация, без которой он превратится в лишенные крыши руины. У местного монаха было видение того, как монастырь снова становится «действующей обителью», и этот монах возглавил восстановительные работы. Начал он практически в одиночестве, но сегодня его поддерживают местные жители и даже несколько таких приезжих, как мы.

Назначение здания — быть свидетелем присутствия Бога — не изменилась за тысячу лет, но то, как оно ис-

пользуется в этом столетии, несомненно отличается от предыдущих, и тут необходимо новое видение.

Сравним это с браком. Модернистские утверждения просвещения последних двух столетий постепенно сменяются в наше время постмодернистской неопределенностью и сомнениями. Многие люди отвергают догму, а некоторые также отвергают утверждения общей цели, так что они не желают присоединяться к религиозной организации или политической партии, или даже клубу филателистов — из-за страха перед обязательством собирать исключительно иностранные марки или неприятия современных самоклеящихся марок. Постмодернизм влияет на отношения таким образом, что существует тенденция склоняться к осторожному намерению «пожить вместе, сколько получится», а не принимать на себя обязательство брака «на всю жизнь». Положительным результатом этого стало уменьшение риска быть пойманными в ловушку несчастливых и лишенных любви семейных уз, но сопутствующим негативным результатом стала потеря синергии долговременных преданных отношений. Младенец синергия оказался выплеснут вместе с водой.

Квакеры, с их бережно лелеемым отвращением к догме могут получить от постмодернизма больше выгоды, нежели другие религиозные организации, но признание ценности продолжительных отношений и духовности долгого пути может заставить Друзей задуматься о том, как начинать и поддерживать такие отношения. Девушка-Друг, которой скоро предстоит выйти замуж, тщетно пытается найти курс подготовки к браку в своей собственной религиозной традиции.

В браке не существует более важной фразы, нежели «я люблю тебя», предполагающей, что раз я тебя люблю, мы состоим в долговременных отношениях, которые изменят жизнь каждого из нас, и мы принимаем эти изменения «к лучшему и к худшему, к богатству и бедности».

Строительство добродетельного общества, определяе-

мое для квакеров свидетельствами мира, честности, равенства, простоты и сообщества — долговременное предприятие, требующее настойчивости перед лицом неизбежных отступлений. Мы пришли к заключению о том, что синергия брака дает больше, чем прерывистая энергия, производимая менее постоянными отношениями.

«Что можешь сказать ты?». Нас попросили написать о нашем долговременном браке, в том числе, потому, что мы шли каждый своим духовным путем. Сюзан стала квакером, а Роджер — экуменическим христианином. Нам приходилось стараться уважать границы друг друга и подтверждать призвание другого. Возникшая при этом синергия позволила нам принять необычный стиль жизни «вверх тормашками», пребывание в общине, заменившее отдельное домовладение, кооперативную трудовую деятельность вместо «внешнего» предпринимательства. Тем не менее, нам не по силам задача пересмотра брака в постмодернистском мире на шестом десятке лет наших взаимоотношений, оставим это молодым людям. Лучшее, что мы можем сделать — ободрить и вдохновить их, и мы с радостью прикладывает свои натруженные руки к выполнению этой задачи.

Приложение А

1975: Общинное проживание в Уэстон Фавелл — Тетя Сэлли

Рассуждения общего характера о домашних ячейках.

Поводом обдумывать домашние ячейки послужило то, что они могут помочь нам (= группе преданных христиан = телу Христа = церкви) выработать такой образ жизни, к которому мы стремимся, но которого не можем так легко достичь, если живем в пяти отдельных домах. Внешними и видимыми знаками такого образа жизни могут быть:

1. более регулярная молитва, евхаристия, совместные трапезы.

2. более эффективная забота и оказание друг другу помощи с присмотром за детьми, машинами, кошением газона, посетителями, закупками продуктов.

3. возможность для отдельных членов ячеек совместно работать над каким-либо коммерческим проектом (оптовый продовольственный магазин, предприятие легкой промышленности, кафе, место встречи) или каким-либо терапевтическим проектом (предоставление жилья тем, кто переживает нервный срыв, престарелым, людям с психическими отклонениями).

Какого рода здание для этого нужно?

Если мы планируем оставаться в Нортгемптоне, здесь домашние ячейки располагаются в нескольких отдельных, но связанных друг с другом в общий комплекс, зданий. Пяти семьям требуется в общей сложности 20 спален, 10 го-

стиных и т. д. Потребуется гибкость для предоставления долговременного проживания родственникам (= овдовевшей матери или одинокому кузену) и для краткосрочных визитов посетителей и соседей. Большие комнаты, такие как сараи, мастерские, внешние постройки позволяют разместить троих людей из вышеперечисленных категорий. Это показывает потребность в специально построенном для такой цели здании (дорого? хорошая атмосфера? трудности с разрешением на перепланировку?) или уже существующем отеле или хостеле (слишком официально? не так много предложений?) или же ряде старых или новых террасных домов или нескольких домов с единым внутренним двором (трудно купить целый ряд зданий как единое домовладение?).

Где? Сколько? Когда?

Там, где возможно получить разрешение на планирование общинного проживания и работы (то есть не в торговой недвижимости и не в эксклюзивном районе проживания?).

Для минимальной схемы домашних ячеек из местных террасных домов за 5000 — 8000 фунтов стерлингов стоимость переделки может составить 3000 — 5000 фунтов стерлингов. Так что группа из шести домов будет стоить минимум 48000. Реалистичная оценка должна быть между 50000 и 100000 фунтов стерлингов? Числа такого порядка не должны выходить за рамки нашего масштаба, и «Домашняя ассоциация» представляется наилучшим вариантом. Стилем будет скромный комфорт.

Если семейные ячейки, в принципе, согласны, всем должны будут съехаться вместе с самого начала, или присоединятся позже. Необходимо, чтобы, скажем, одна или две семьи готовились переехать, как только подходящее

место будет готово.

Роджер Сотелл, 3.11.75

Приложение Б

Соседская община, Нортгемптон

Наше сообщество домовладений было основано в 1984 году. Нас пятнадцать человек — некоторые одинокие, другие состоят в браке, в сообществе есть и дети. Каждое домовладение живет в одном из пяти соединенных террасных домов, с общей комнатой для собраний и большим садом. Мы — экуменические христиане (представляющие англиканство, квакерство, католичество) вместе молимся каждое утро и собираемся на совместные трапезы раз в неделю. Наша заявленная цель: «Развивать в сообществе жизнь, которая позволит нам исследовать нашу веру и делиться ей, а также заботиться о ближних, согласно Евангелия». Наши более масштабные цели — содействовать христианскому единству и общности, а также искать взаимопонимания с верующими других религий. Мы устраиваем творческие утренники и молчаливые дни, а также гостеприимно принимаем группы посетителей. Каждый месяц у нас бывает медитативная евхаристия и песнопение Тезе. У каждого из нас свой образ жизни, некоторые трудятся на оплачиваемой работе, есть и волонтеры. Мы стараемся поддерживать друг друга и посещающих нас друзей во всем разнообразии наших странствий и призваний.

Приложение В

Агапе (Любовь Божья) на основе Мф 26:26—28

На столе кусок хлеба домашней выпечки и чаша вина. Перед едой ведущий произносит:

Это — хлеб не из магазина, но с любовью испеченный на нашей кухне, полный семян и заквашенный живыми дрожжами.

«Хлеб» этот — символ нашего материального благополучия, что явилось не столько плодом наших усилий, сколь произошло благодаря случайностям и по благодати — незаслуженной нами милости любящего Бога.

Это хлеб, который преломляется так же, как и мы иногда чувствуем себя сломленными, ранеными, неадекватными, сраженными обстоятельствами.

Хлеб этот служит символом нашей совместной жизни в сообществе. Мы делимся одним куском, мы призваны окормлять друг друга.

Это заповеданный нам хлеб, который Иисус велел нам вкушать вместе, в качестве напоминания о его жизни, смерти и воскресении. Итак, давайте в молчании вкусим этого хлеба.

Каждый отламывает кусочек хлеба и дает своему соседу за столом.

После еды ведущий говорит:

Это вино, изливаемое за нас Иисусом, ради прощения. Пока мы пьем из этой чаши, давайте простим друг друга и всех ищущих прощения.

Чаша передается по кругу, и каждый отпивает из нее в молчании.

Все вместе произносят:

Благодать Господа нашего Иисуса Христа и любовь Божья, и содружество Святого Духа да пребудут с нами вечно. Аминь.

Приложение Г

Кооператив «Хлеб насущный»: интервью

Кооператив «Хлеб насущный» — это находящееся в собственности работников кооперативное предприятие в Нортгемптоне, пакующее и продающее широкое разнообразие продуктов здорового питания. На предприятии трудятся тридцать четыре оплачиваемых работника, торговый оборот составляет 1,5 миллиона. Торговая деятельность была начата в 1980 году, так что 2005 год юбилейный. Это «перевернутый вверх тормашками» бизнес, поскольку вся прибыль, в основном, тратится вне предприятия, а директор получает столько же, сколько уборщик, у них одинаковое право голоса, и определенное время рабочего дня отводится под молитву. Роджер Сотелл был одним из основателей этого предприятия.

Вопрос: Как начинался «Хлеб насущный»?

Ответ: В 1976 году часть моей работы составило создание «Модели правил» для бизнеса, которым владеют работники. Чтобы опробовать эту процедуру при регистрации преследующего социальные цели кооперативного общества, а не акционерной компании, я попросил группу друзей стать членами гипотетического кооператива. Затем мы решили, что возможно сделать это реальным бизнесом, а не тестовым макетом.

Вопрос: Значит, вы пекли хлеб?

Ответ: Моей задачей было найти продукт и здание. Я несколько дней поработал в местной пекарне, чтобы получить практические знания, и пришел к выводу о том, что пекарство не годится для того бизнеса, который мы задумали. Я посоветовался с друзьями. Бернард сказал: «Не за-

нимайтесь едой. Слишком большая конкуренция». Я рассмотрел варианты ремонта мебели или велосипедов и, в конечном счете, предложил здоровое питание. Итак, мы все же занялись едой. Джон сказал: «Не начинайте сейчас, во время кризиса». Но нам нужно было начинать, чтобы выполнить одну из целей — предоставление рабочих мест для выздоравливающих после душевных болезней. Лиз сказала: «Не предлагайте свой дом в залог, вы можете потерять его». Мы послушались. Джордж сказал: «Дождитесь лейбористского правительства. Тори вас похоронят». Мы не стали дожидаться, а лейбористы пришли к власти только в 1997 году — через семнадцать лет! Мы открылись 1 октября 1980 года, начав расфасовывать продукты здорового питания для перепродажи.

Вопрос: С какими продуктами вы начинали работать?

Ответ: Мы купили контейнер с подогревом для фасовки по банкам меда и дрожжевого экстракта. Мы решили начать продавать только эти два продукта перекупщикам, но вскоре обнаружили спрос на прямые поставки для продажи этих и других видов здорового питания. Сейчас у нас 3000 наименований продукции.

Вопрос: «Кого вы называете „мы“»?

Ответ: Это маленькая группа волонтеров, которые помогали подготовить здание. Я стал первым оплачиваемым сотрудником, вскоре ко мне присоединились Анна Джонс и Билл Миллс. Предприятие росло медленно и постепенно с минимальными затратами на рекламу и капиталовложениями. Грузовики, привозящие продукцию от наших поставщиков, разгружались вручную. Мы перетаскали бесчисленное множество мешков на своих спинах и коробок на тачках.

Вопрос: Зачем был нужен «принудительный ручной труд»? В 1980 году было достаточно механизированных транспортеров — например, вилочные погрузчики.

Ответ: Я знал, что три из пяти новых предприятий закрываются в первые два года работы. Чтобы выжить, мы

стремились минимизировать капитальные затраты. Совместная работа в качестве кооперативной группы давала нам ощущение общей цели. Мы выплачивали себе какое-то минимальное жалование, так чтобы не было вопросов о том, кто и чем занимается. Мы записали свои принципы в остававшемся неизменным на протяжении двадцати лет документе, который назвали «Преамбулой». Мы выплатили начальный кредитный заем в течение первых нескольких лет, и с тех пор бизнес стал самоокупаемым.

Вопрос: Итак, в первые жизненно важные два года вы уцелели?

Ответ: Да. Я скоро понял, что в странной перевернутой вверх дном манере весь мой предыдущий опыт в индустрии стал неосознанной подготовкой к этим первым годам в «Хлебе насущном». Это был намеренно нестандартный бизнес, но как и любой другой бизнес, он должен был выдерживать рыночную конкуренцию. Каждое утро на молитве мы просили не «успеха», а различения возможного выхода из затруднений по общепринятой терминологии. Мне часто приходило на ум название книги Е. Ф. Шумахера «Прекрасное в малом — экономика, в которой люди имеют значение».

Вопрос: Молитвы? Как часть бизнеса?

Ответ: Да. «Хлеб насущный» — это группа христиан, и название организации взято из Господней молитвы. Св. Бенедикт учил, что молитва — это работа. Общее молитвенное собрание не всегда бывает частью обычного рабочего дня. Кто-то подсчитал, что это привело бы к «потере» 40000 рабочий часов. Я думаю, что это было бы не «потерей», а значимым приобретением.

Вопрос: Какую позицию Вы занимаете в 2005 году?

Ответ: Я ушел с должности избранного директора в 1987 году после проведенных на ней семи лет и продолжал работу упаковщиком с неполной занятостью до 1996 года. В настоящее время я регулярный посетитель и покупатель, но вот уже много лет, как у меня нет ника-

кой формальной должности в кооперативе. И я думаю, что это хорошо, поскольку иногда учредители остаются в организации дольше, чем это бывает полезно!

Вопрос: Каким Вы видите сегодняшнее положение предприятия?

Ответ: Оно было создано и развивалось, как любой здоровый организм. В настоящее время трудовой коллектив включает более тридцати работников, и все они замечательные. Я знаю, что гордость — грех, но не могу не гордиться ими. Я верю, что XXI век станет свидетелем громадного роста кооперативного дела. Опыт «Хлеба насущного» может быть полезен многим будущим организациям, которыми владеют те, кто в них работает.

Ссылки

(1) O'Shea 1993, p.62
(2) Mayers 1980
(3) Yoder 1971
(4) Chittister 1992, p.178
(5) Little Gidding Prayer Book 1986
(6) Griswold 2005
(7) Coleman 2004
(8) Braithwaite 1923
(9) Horle 1988
(10) Hayden 2002
(11) Moore 2004 p. 153
(12) Hatton 2005
(13) Jung 1928
(14) Trevett 1991
(15) Brown 1988
(16) Buber 1947, p. 71
(17) Posy Simmonds' cartoon
(18) Tyler 1999, p. 219
(19) De Waal 1984, p. 62
(20) Jones 1921, p. xxiv
(21) Moore 2004, p. 163
(22) Wallis 1988, p. 128
(23) Fiorenza 1983
(24) Gardiner 2002, p.46
(25) De Waal 1984, p. 57
(26) Wallis 1988, p. 128
(27) Storr 1973, p.10
(28) May 1972, p. 50
(29) Martin Buber 1947, p. 32
(30) Grey 1997, p. 36
(31) Mary Riddell «See you in court», New Statesman,

29 November 2004

(32) *Guardian*, «Nothing is sacred in love and ban statement», 5 April 2005

(33) Jean Vanier 1989, p. 10

(34) McGrandle 2004

(35) Resources list, p. 111

Об издании

Издание подготовлено организацией «Дом Друзей в Москве». Другие книги о квакерах и более подробную информацию о Религиозном обществе Друзей можно найти на сайте www.quakers.ru.

Оглавление

Авторы ... 3
Пояснение ... 4
Благодарность ... 4
1. Введение ... 7
2. Наши духовные путешествия ... 12
Детство ... 12
Шеффилд ... 15
Нортгемптон ... 23
Общее богослужение ... 28
Евхаристия ... 31
Деноминации ... 33
3. Брак — Сюзан ... 40
Некоторые исторические размышления ... 40
Преобразование ... 43
Бракосочетание в 1957 году. Семейная жизнь до 2006 года ... 44
Приспособление или жертва? ... 46
Жизнь в общине и брак ... 50
Брачный договор ... 53
Дар благодати ... 56
Партнерство жизни — партнерство для зарождения жизни ... 58
Брак как таинство ... 60
Стабильность, верность, ограничения ... 61
Индивидуализм и духовная неверность ... 62
Взаимность, безусловность, интимность ... 65
Приготовление ингредиентов ... 67
Синергия ... 69

4. Брак — Роджер ... 72
Катализаторы? Как мы будем жить? ... 72
Верные отношения на всю жизнь ... 73
Критики брака? — Апостол Павел и Джордж Фокс ... 75
Брачные обязательства ... 79
Брак и деньги ... 82
Дети ... 89
Совмещение различных даров ... 92
Брак и жизнь в сообществе ... 94
Улучшение и без того хорошего брака ... 104
5. Квакер в браке с не-квакером ... 106
Единственный квакер в семье ... 106
6. Заключение ... 116
Приложение А ... 120
1975: Общинное проживание в Уэстон Фавелл — Тетя Сэлли ... 120
Какого рода здание для этого нужно? ... 120
Где? Сколько? Когда? ... 121
Приложение Б ... 123
Соседская община, Нортгемптон ... 123
Приложение В ... 124
Агапе (Любовь Божья) на основе Мф 26:26—28 ... 124
Приложение Г ... 126
Кооператив «Хлеб насущный»: интервью ... 126
Ссылки ... 130
Об издании ... 132

Роджер и Сюзан Сотелл

Размышления о долгом браке

Переводчик Наталья Журавенкова
Редактор Сергей Грушко

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero